

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

1

В первый же вечер одиночества Мишка почувствовал, как тяжела разлука. День ото дня он всё больше не владел собой. Он теперь понял, как могут зажать в клещи речь, ласки, обращение — всё, чем так отличалась Галя от станичных девушек, особенно от Надёжки.

Он пытался завязнуть в учебниках, которые привёз брат и требовал отчёта об учёбе. Но тоска глодала сердце, он не находил себе места. Ночами метался в постели, вставал и украдкой шёл к дому, где квартировала Галя, садился около ворот против Галиной квартиры и смотрел на то окно, через которое в первый раз попал к ней. Смотрел на ворота, в которые она входила и выходила, на ту скамейку у ворот, на которой Галя часто сидела, таясь,

* Продолжение. Начало в журнале «Гостиный Дворь» № 3

подходил к этой скамейке, по-долгу сидел на ней. Кружил за станицей по тем местам, где они были с Галей, ходили под ручку, где сажал он Галю на коня и водил его в поводу, а она весело хохотала. А когда принимал её с коня, она долго висела у него на плече, не хотела опускаться на землю, а он её нёс и нёс без усталости; выходил на берег Урала, смотрел на то место, где она купалась, где он поднимал брошенные ею записки. Ему казалось: а может быть, каким-нибудь чудом одна из записок осталась не замеченной тогда и до сих пор лежит на земле. Но на земле ничего не было. Он вспоминал каждую подробность встреч с ней.

Бывало, сидя ночами напротив Галиной квартиры, Мишка прятался от проходивших мимо, ничего не подозревавших людей. Иногда вздрагивал от какого-то женского голоса, издали похожего на Галин: звонкий, серебристый, необыкновенный. Он часто слышался ему среди разговоров хозяев во дворе Галиной квартиры. Он подбегал к воротам, смотрел с улицы в щёлку, но на дворе никого не было, хозяйка давно спала.

Возвращался домой разбитый, истерзанный горем и тоской, шатаясь, как пьяный; ложился спать и слышал стук в ворота, в окна, в дверь, слышал шаги под окном. Вскakiвал, выбегал на улицу, но там никого не было, лишь могильная тишина и пустота. Тогда он раздражался безутешным плачем и засыпал в слезах.

Если бы ему сказали, что однажды в детстве он тосковал так же, он, скорей всего, удивился бы. Но ни для радости, ни для горя возраста нет...

И в свою рощу несколько раз ходил Мишка. С глазами, полными слёз, стоял около куста, где впервые встретил барскую дочь, где убирал листочек с её груди, где впервые увидел её руки, белоснежные, не мятое, как сама девственность, платье.

Тоска, галлюцинации лишили его сна, аппетита. Как когда-то в детстве, он заболел, и опять у него была горячка. Он пролежал около месяца.

2

После выздоровления прошёл ещё месяц, и Мишка полностью пришёл в себя. На полях уже пахали, готовили зябь. Наступала осень.

Однажды, катаясь верхом по своим степям, Мишка въехал на высокую гору, с которой далеко открывались киргизские степи, усеянные пасущимся скотом. Группами и в одиночку виднелись разбросанные юрты. Мишка знал, где расположена юрта знакомого киргиза Кулумгарея, до неё было вёрст пять.

Не раздумывая долго, Мишка в карьер поскакал под гору, направляясь к Бердянке, чтобы переехать на киргизскую сторону.

Через полчаса он подъезжал к юрте Кулумгарея. Две огромные собаки выскочили откуда-то и с диким лаем понеслись Мишке

навстречу. Около юрты, встревоженные шумом, соскочили два телёнка, привязанные за верёвочки, и в недоумении потягивались. Собаки стали прыгать на коня, хватать за губы.

Из юрты вышла жена Кулумгарея, молодая, полнолицая, черноглазая киргизка. На ней было широкое с массой оборок белое с цветами платье и разноцветные башмачки, на голове громадный белый платок, покрывавший голову не углом вдвое, а квадратом в одну рядь, край платка зашпилен под подбородком. И платок, и платье засинены настолько густо синькой-ультрамарином, что их цвет из белого превратился в цвет неба. Весь наряд был безукоризненно чистый.

Поверх платья надет расширенный позументами цветной бархатный, очень короткий жилет с массой серебряных монет на груди. Ниже платья, до ступней, ноги закрывали широкие ситцевые пальвары.

Выбежавшая женщина, которую Мишка хорошо знал, закричала на собак: «Кэт, кэт» и грубо выругалась по-русски.

Мишка рассмеялся, расхохоталась и киргизка, показав красивые зубы. Собаки виновато склонили головы, облизываясь и ворча, разошлись в разные стороны.

— Ай, Мишка, здрастуй! А Кулумгарейка дома нет, — закричала она. — Зачем гармонь не тащил? Так-перетак, — ругалась красавица.

— А где же он? — спросил Мишка.

— На гостя пошёл. Шорт, собака, совсем далеко пошёл. Неделя, два, тогда придёт. Шорт с ним, айда кибитка...

Мишка не сходил с коня, думал: «Куда же мне теперь ехать? Кулумгарейки нет, поговорить не с кем».

Тем временем хозяйка кибитки уже вырвала повод коня и тащила Мишку с седла за брюки, захватив их с телом.

— Ай, пожалуйста, Мишка, айда кибитка. Кулумгарейка узнает: ты не пошёл кибитка, бить меня будет, скажит, звать не умела, — пересыпая слова матерщиной, старалась блеснуть знанием русских слов Балкуныс.

Ветер рванул на голове туземки платок и перекинул через голову, обнажив шею. Будто из чёрного шёлка, эластичные кольца волос украшали смуглую шею Балкуныс. Две огромные косы, как две тройки переплётшихся чёрных змей, зигзагами извивались по спине, заканчиваясь ниже пояса. А там рисовались полные ноги, обтянутые тонким ситцем, прижатые к телу ветром. Балкуныс забросила платок через голову, подняла лицо, пожирала Мишку глазами.

Чёрные, тонкие, высоко поднятые брови огибали углы глаз с синеватыми белками. Пухлые губы обнажали два ряда белых, как сахар, ровных и мелких зубов. Лицо Балкуныс не было скуластым. Ни чертами, ни

бледно-розовым цветом кожи Балкуныс не походила на своих соотечественниц.

Глаза женщины умоляли казак сойти с коня и побыть в юрте, где Балкуныс, юную, цветущую, гложет непонятная истома одиночества, где она сгорает, прежде чем заснёт, от какой-то непонятной страсти, приходящей к ней вслед за скрывшимся солнцем.

Балкуныс снова выругалась и продолжала тащить Мишку за ногу с коня. Мишка смотрел на неё сверху вниз, обмерял глазами с ног до головы. А невидимая иголочка покалывала где-то под ложечкой... Мишка вспомнил Галю. На сердце стало тяжело и стыдно, как будто Галя была где-то здесь и смотрела укоряюще на него. Он тронул поводья, чтобы ехать.

— Нет, Балкуныс, я поеду, мне надо ещё заехать в одно место, я опоздаю, отец ругать будет.

Балкуныс чуть не со слезами просила:

— Кулумгарейка совсем меня ругайт будет, бить будет, если не пойдошь на гостя. Скажит: «Мишка приезжал, а ты ничего не давал, шай не давал, махан-мясо не давал, што потом будет?»

Мишка знал обычай киргизов. Действительно, если не зайти в юрту, то Кулумгарей изобьёт свою жену, а с ним год не будет разговаривать.

Он спрыгнул с коня. Собаки, как окаменелые, лежали, не шевелились, наблюдая исподлобья. Балкуныс опроретью побежала

в юрту. Мишка вошёл вслед за Балкуныс. Его обдало непривычным запахом копоти с перепрелым чёрным чаем.

Балкуныс постлала на пол кошму, положила на её край подушки, предварительно их взбив.

— Садыс, Мишка. Я шай таскаем. Ах, так-перетак, зачем гармонь не таскал? — Мишка смеялся, мерил её взглядом. Принесённый с очага чай Балкуныс стала разливать против Мишки, сев на корточки, подол платья убрала до пояса, нисколько не смущаясь, — чтобы не мешал. Мишка отвернулся и рассмеялся. Туземка спросила о причине смеха. Он ответил:

— Вот Кулумгарей узнает, что я был у тебя в гостях, тебя и меня побьёт.

Балкуныс по-мужски свистнула:

— Ха, шорт, собака. Если ты на меня ночь будэшь спайт, и то Кулумгарей сапсем не ругайт. Яй буга, не ругайт, — сверкнув чёрными глазами, с детской улыбкой сказала Балкуныс.

Мишка смущённо замолчал, не отвечая.

Через несколько минут Мишка встал и начал собираться, прощаясь с хозяйкой.

Балкуныс провожала гостя и гладила ему руку и плечо. Около коня сказала:

— Мишка, не надо уезжай, сиди на кибитка, а я буду махан варить.

Мишка отказался, он спешил. Глаза Балкуныс то возбуждённо горели, то выражали страдание.

Когда Мишка сел уже на коня, Балкуныс стала просить взять её с собой в станицу на этом же коне, посадив верхом сзади, но Мишка ответил, что едет не в станицу, а на поле, и тронул поводья. Балкуныс шла рядом шагов сто, держала его за руку, потом хлопнула ладонью по коленке, отстала.

Мишка несколько раз оглядывался. Балкуныс стояла, как окаменелая. Он погнал в карьер.

С тяжёлой грустью на сердце и непонятным волнением и досадой от прерванного утешения Балкуныс стояла лицом на запад и сквозь застилавшие глаза слёзы смотрела, не моргая, на удаляющегося всадника.

Вдалеке огнём горела светлая вода большого лимана Бердянки. Красные блики заходящего солнца отражались в этой воде, уступая огромное место голубой небесной дали, расплывшейся в этом прозрачном лимане.

Изваянием стояла красавица Балкуныс, прикованная к земле. Она ничего не видела и не слышала, не замечала, что вокруг темнело. Потом как будто очнулась от тяжёлого сна и, вздохнув, поплелась в юрту.

Её родной дом — степная юрта, уже не только не манила её, а была противна, скучна, неуютна. Её кто-то звал на запад, туда, за горизонт, где скрылся на коне молодой казак Мишка. Сердце тянуло в его объятия, которые Балкуныс ещё не познала

по-настоящему со своим старым мужем.

Она вошла в юрту, остановилась у двери. Слёзы до краёв заполнили глаза и потекли на холодные щёки.

Сегодня в юрте было как-то особенно темно и тоскливо. Томил непонятный запах безволя и гнёта. Балкуныс подошла к разостланным одеялам и подушкам, на которых лежал Мишка. В верхней подушке вмятина. «Вот здесь лежал он сам, а здесь была его голова». Комок горечи подкатил к горлу. Балкуныс, не раздеваясь, упала на эту постель, лицом на вдавленность в подушке. Её забила нервная дрожь. Слёзы текли по щекам потоком. Она не слышала, как кричали телята, просили вечернего поила, время которого уже прошло. Она не помнит, когда уснула. Ей снилось: на коне подъехал к ней Мишка, она сидела одна на зелёной траве около юрты. Мишка обнял её и долго держал в своих руках, потом подарил ей какой-то подарок, которому она была до безумия рада, но рассмотреть его не успела, проснулась.

Солнце уже стояло высоко над горизонтом, его прозрачные сентябрьские лучи падали внутрь юрты через отверстие в куполе, служившее дымоходом. Балкуныс тяжело дышала, всё тело болело. Ей не хотелось переходить к горькой действительности, хотелось продолжать сон, хотелось получить от Мишки ещё что-то, хотелось смотреть на Мишку без

конца. Но капризна явь, не выполняет она наших желаний...

Тяжёлыми шагами, как больная, Балкуныс вышла из юрты и первый взгляд бросила на запад, левее Родниковского холма, где за горизонтом скрылась вчера чёрная точка. Балкуныс на пальцах стала считать, сколько дней осталось до русского праздника — воскресенья. Уезжая, Мишка сказал, что приедет в воскресенье, хотя и не думал приезжать, а сказал для того, чтобы Балкуныс его не задерживала и отпустила с миром.

По дороге от Балкуныс Мишка думал: «Да разве можно с ней было хотя бы пошутить? Она Кулумгарейке всё расскажет, да ещё приврёт, а он приедет к нам и всё расскажет, да ещё от себя приврёт, ну, тогда от стыда вешаться беги. Вот ведь они, бабы, какие черти. Вот и Галя чуть меня не порешила. Сейчас немножко будто отвалило, да и то из головы не выходит, а тогда — ну чуть не сдох. Сроду не знал, что так люди могут тосковать, а вот теперь поверю...»

3

Прошло две недели. Мишка уже забыл о своём обещании быть на праздник у Балкуныс. Приехав домой с поля, он стал входить в ворота. Посреди двора, широко расставив ноги, со злобным видом стоял Кулумгарей. Мишка подумал: «Наверно, эта что-нибудь разболтала, расхвалилась, да ещё приврала, ну, он и сердится».

— Здравстуй, Мишка, — сказал Кулумгарей и как-то недружелюбно сунул Мишке свою руку. — Зашим обманул Балкуныс? Зашим не пришёл на гостя на праздник? Балкуныс сапсем плачил, ждал, а ты не пришёл, собака. Балкуныс махан варил, конфет купил, ждал тебя, а ты обманул. И гармошка не тащил. Я только чара¹ пришёл домой.

— Ладно, ладно, Кулумгарей, не ругайся, отец не пустил, его ругай. Как время будет, в долгу не останусь, приеду, и с Балкуныс спать буду, — пошутил Мишка.

— Да, да, да, спай, спай, шорт с ним, дай буг. Так её перетак, — Кулумгарей повеселел.

«Вот заразы, — думал Мишка, — да разве можно было ехать? Да они сочинили бы бог знает какую историю и ездили бы сюда, хвалились. А Балкуныске теперь хоть на глаза не попадайся. Она насует матушек во все места».

Чтобы не сердилась Балкуныс, Мишка решил послать ей с Кулумгареем посылоч-гостинец. Он проник в сундук матери, отрезал стеклярусу аршин пять да три аршину плису, да набрал ещё каких-то побрякушек и послал с мужем. Вину свою Мишка свалил на отца, мол, он не пустил, а против Степана Андреевича Кулумгарей выступить не мог.

До безумия обрадованная, Балкуныс втайне решила одарить Мишку так, как, может быть, никто ещё его в жизни не дарил...

Через несколько дней Кулумгарей собрался ехать в станицу в бакалейную лавку, чтобы купить разную мелочь и продукты. Балкуныс неотступно просила взять её с собой, муж согласился, и они поехали. Из бакалейной лавки Кулумгарей и Балкуныс решили заехать к Веренцовым. Степана Андреевича дома не было. Елена Степановна шла по двору, когда знакомая ей Балкуныс вбежала во двор, и первые слова, обращённые к Елене Степановне, были: «Сапсем здрастуй, пожалуста! Сапсем кароший ваша Мишка, мать-перемать...» — схватив руку хозяйки дома, ругалась по-русски Балкуныс. Она совсем было уже начала рассказывать о подарках, но ничего не подозревавшая Елена Степановна перебила ответным приветствием и весело сказала, что Мишка, действительно, хороший, что все его любят.

К этому времени во двор вошёл Кулумгарей и занял Елену Степановну всевозможными расспросами и поздравлениями, как будто не видел Веренцову лет пять.

Балкуныс стояла и ждала очереди, чтобы досказать о Мишкиных подарках, она несколько раз уже раскрывала рот, как рыба на песке, но Кулумгарей тараторил своё, не давая жене высказаться по существу. Не успел Кулумгарей закончить здравования, за воротами послышался голос Мишки.

Балкуныс, как ужаленная, сорвалась с места и побежала к воротам, в них входил Мишка.

— Здравстуй, Мишка! Так-перетак! — весело, не своим голосом закричала Балкуныс вздрогнувшему юноше. — Спасипа, спасипа, Мишка! — больно кароший селяу (подарок) давал, — и крепко щипала Мишку за бок.

Он покраснел и сказал ей тихо по-киргизски, чтобы она не говорила о подарке при матери, которая будет ругать его.

Балкуныс умолкла. Гости стали тянуть Мишку за руку в дом, чтобы там он поиграл на гармошке.

Елена Степановна смеялась над вольными обращениями Балкуныс с Мишкой, считая их просто детскими, с простой, детской, непреднамеренной любовью. И упрашивала сына пойти в дом и выполнить просьбу гостей.

Мишка отказывался: мол, нужно ехать в поле. И сегодня не праздник, в гармонь играть нельзя, но Балкуныс и слышать не хотела, она повисла у Мишки на руке и не отпускала от себя.

Пришлось согласиться. Вошли в дом. Мишка поставил стулья гостям, взял гармонь и стал играть. Но гости сесть на стулья отказались, говоря, что им на полу сидеть удобнее, чем на стульях, и сели на пол перед хохотавшим Мишкой. Мишка играл. Балкуныс всё больше и больше улыбалась, и гости двигались по полу то взад, то вперёд. Потом Балкуныс вскочила, ущипнула Мишку за щёку и сказала мужу: «Болна кароши, так-перетак». Кулумгарей, как видно, был

восхищён поступком жены, он беспрерывно хлопал супругу по плечу и другим местам, оказавшимся ближе, и повторял: «Болно кароши марджа, жена, джигит, собака, так её растак».

Мишка отказался от обеда, вырвался из цепких рук Балкунис, убежал на улицу, где стоял запряжённый конь с бочкой для воды, ускакал на Урал, налил воды и уехал в поле другой дорогой. Он обещал Кулумгарею приехать в гости, когда будет свободное от полевых работ время.

4

Шли дни, набирался месяц и оставался позади. Пашня под зябь была уже закончена. Почти все жители станицы приехали с полей. Осень стояла тёплая, сухая.

Мишка обещания не выполнил, в гости не поехал. Балкунис скучала, терзалась. Пролетали недели за неделями. Жёлтое выцветшее поле наводило щемящую тоску. Балкунис подолгу сидела у юрты, ждала.

Подули холодные, сильные ветры. В юрте холодно, неудобно. Ветер табунами гнал тучи, свистел на ветру пожелтевший ковыль, склоняясь до земли. На юг улетали перелётные птицы: гуси, журавли, лебеди, утки. Поля опустели. Скот жался к лесу, укрывался в глубокие овраги. Светлое и прозрачное солнце не грело. Морозный ветер пригнал снежные тучи, полетел мелкий, частый, а за ним — редкий, крупный, хлопьями снег. Он усеял

всю землю, как фруктовый цвет в тенистом саду весной. А потом одел землю в плотный белый саван. Изумрудами сверкали снежные звёздочки ажурной, ручной работы мороза.

Скот стал на зимовку. Юрты давно сняли с кочевья, перебрехали в аулы. Потянулись нескончаемые обозы на санях по дорогам, проложенным по снегу.

Веренцовы возили сено из лугов через аул. Каждый раз, проезжая мимо дома Кулумгарея, Мишка закрывался на возу тулупом, чтобы не увидели Кулумгарей или Балкунис, от которых никакими молитвами не отговоришься: свяжут, но затащат в гости. Мишке хотелось побывать у Балкунис, но ведь с ней можно попасть в такую историю, что стыд задушит до смерти.

Однажды Балкунис шла с ведрами по улице аула. Обозы с сеном тянулись из лугов беспрерывно. В общей массе шли сани Веренцовых. Балкунис свернула в сторону от дороги и ждала, когда пройдут возы. Едущие впереди казаки что-то острое закричали по адресу Балкунис, она рассмеялась и погрозила им кулаком, а у самой что-то кольнуло в сердце. В каждом казаке она теперь видела если и не Мишку, то что-то близкое к нему, родственное, братское. Она не только не обиделась на остроту, а, наоборот, ей была она приятна. Она жадно стала всматриваться в каждого, чтобы найти Мишку.

Мишка заметил Балкунис, его воз доезжал до неё. Он закрылся тулупом и лёг. Вдруг послышался голос, и все возы остановились. Балкунис узнала коня Веренцовых, бросила в снег вёдра с водой, подбежала к коню, схватила за повод.

Работник Веренцовых, шедший за передним возом, вышел вперёд.

— Мишка где? — спросила Балкунис.

— Вон, на заднем возу, — ответил работник. — Ох, ты какая смазливая, шут тебя бы взял. Зачем тебе Мишка? — Но Балкунис уже юркнула между возов, бежала к заднему возу. Работник рассмеялся, взглянув на брошенные вёдра, тронул переднего коня, поехал. «Вот как её распекло, — думал он, — и воды не надо стало. А хорошенькая киргизочка, наверное, девка. Ну и чёрт же этот Мишка, всех с ума сводит».

Пока задняя подвода стояла, Балкунис по оглобле и по верёвке залезла на воз.

— Мишка, такую твою-сякую, зачим спайшь? Зачим на гостя не ходишь? — сквозь слёзы говорила Балкунис. В жгучих чёрных глазах и на открытом простом лице была искренняя, неподдельная печать страдания и упрёка.

Мишка не в силах был заставить её слезть с воза. Конь с задним возом пошёл, Мишка и Балкунис поехали. Мишка показал кнутом на вёдра, которые остались далеко позади. Балкунис махнула рукой.

— Шорт с ним, — сказала она и стала тащить Мишку за руку, убеждая, что Кулумгарей очень обидится, если он не пойдёт в гости. Мишке было приятно с ней — и жаль её. Он любил её сейчас за неподдельную привязанность. Он закрыл её тулупом, заставил вытереть слёзы и стал уверять, что он завтра приедет обязательно, но Балкунис не верила, она показала ему два пальца и презрительно, по-детски нахмурилась. Это означало, что она считала за ним уже два обмана. Она бесцеремонно расстегнула Мишкин полушубок, протянула руку под полы и сняла наборный, с серебряными бляхами казачий ремень, рубашку одёрнула, ущипнула за живот и застегнула на все крючки полушубок.

Мишке нравились проказы этой повеселевшей молодой азиатки, он смеялся и целовал её, но она не знала поцелуев и на них не отвечала.

Успокоенная Балкунис стала слезать с воза.

Мишка на ходу прыгнул и стал снимать проказницу. Он подхватил её обеими руками и несколько шагов нёс позади саней. Она гладила ладонью ему щёки, лоб, голову, сняв шапку.

Успокоенная и обрадованная Балкунис побежала по дороге, вертясь, как ребёнок, и заливаясь смехом. Она высоко поднимала пояс, показывая его Мишке, он грозил ей кнутом...

Дома Мишку ожидал большой конверт, набитый бумагами

— письмо от брата Дмитрия. В нём было много разъяснений по Мишкиным вопросам в письмах, много примеров, задач по ряду предметов. Мишка посмотрел всё это, и его бросило в жар.

— Уж тебе теперь, сынок, наверное, придётся засесть и не вылезать из-за стола с неделю, — весело сказал Степан Андреевич, — уж за сеном я сам буду ездить, а скотину убирать надо заставить девочку Дуняшу. После обеда садись и долби, как дятел, если уж взялся по правде. Когда офицером будешь, тогда отдохнёшь, а сейчас зубри, дай Бог тебе счастья, — с улыбкой погладил Мишкину голову и похлопал по плечу отец.

Мишка задумался. Не подняли ему настроения отцовские слова. «Ну что это значит? — думал он. — До сих пор нет ответа от Мити на моё письмо о Гале. Прошло ведь уже больше месяца, как я передал его Ваське, когда он ехал в город, чтобы тот прямо опустил на почте. Просто Митя решил отмолчаться, мол, барыня уехала, с ним дурь пройдёт, а я будто бы не знаю ничего. Надо будет сегодня же написать второе письмо». Он стал писать второе письмо. «Хороший друг» Васька отдал-таки это письмо Надёжке, чтобы обозлить её против Мишки. За Надёжкой Васька давно ухаживал, но не мог добиться взаимности, Надёжка же всё льнула к Мишке, как она сама высказывалась подругам: «Ну, язвы ево, тянет и тянет меня к

нему, как верёвкой, он привязал меня по-наплавошному альбо мёртвой петлёй...»

«Да-а-а-а, не придётся тебе, Балкунис, дожидаться меня. Уж когда свалю эту работу, тогда приеду. В гостях хорошо, слов нет, но за учёбой полезней. Вот уж когда не раскаешься, что учил, тратил время». Он писал: «Здравствуй, Митя! Получил от тебя письмище, еле конь довёз. На задачи-то ты не поспешил, а вот про Галю до сих пор не пишешь ничего. Пиши скорее, пока прошу твоего совета, а то уеду к ней в Калугу, и меня там с собаками не найдёте».

Получив это непонятное письмо, Дмитрий потребовал от Мишки разъяснения, что за письмо было и что за Галья. Мишка написал всё подробно и отвёз в город сам, надеясь получить ответ в январе.

Мишка упорно готовился на вольноопределяющегося, как того требовал брат. По получении последнего письма от Дмитрия он сидел уже четырнадцатый день. Во второй половине этого дня вошла к нему Дуняша; она потянула его за чуб и сказала шёпотом:

— Иди хоть на улицу сходи, ведь сегодня воскресенье.

— Да обожди ты, Дуняша, не мешай уж мне этой чепухой заниматься, — ласково сказал Мишка. Он её уважал, как сестрёнку.

Дуняша подошла и стала заглядывать через Мишкино плечо.

— Уйди, Дуняшка, к шути отсюда, а то мама заглянет в дверь,

тогда почешет тебе мягкое место. — Прислуга с хохотом побежала в другие комнаты, а потом снова вошла.

— Миша, а там Кулумгарейка тебя ждёт. Он давно уж сидит, развалился, как пан, на стуле за столом.

Мишка попросил позвать его сюда.

Кулумгарей тихо, двумя пальцами открыл дверь в горницу и так же тихо, как будто боялся провалить пол, на цыпочках вошёл. Закрывая дверь, он два раза перекрутился, потом повернулся к Мишке лицом, широко улыбнулся, пошлёпал губами.

— Сапсим здрастуй, Мишка! — сказал он. Далеко протянув обе руки вперёд, шёл от порога, как бы крадучись, здороваться.

Мишка любезно поздоровался и попросил гостя сесть около столика. Кулумгарей засунул руку далеко за полу халата, вытащил наборный Мишкин ремень.

— Вот, Балкуныс сказал: «Давай твоя, а ишо сказал — зашем гостя не ходил?» Он сапсим плакил, он сказал: «Мишка скоро придот, нада», — говорил беспечный простодушный Кулумгарей. — Я шичас город идом. Два день тогда прийдом и твоя на гостя таскам.

— Хорошо, хорошо, приезжай, поеду, — согласился Мишка. — Тебя в той комнате угощали? — спросил он.

— Нет, не угощали, торка² обед кушал, шай не давал, — пояснил гость.

Мишка рассмеялся. Он знал, что киргизы очень любят чай, а обед почти не считают за угощение. Он попросил мать угостить Кулумгарея чаем.

Оставшись один, Кулумгарей рассматривал сверху донизу всю комнату, этот уютный, красивый зал, уголок богатого деревенского двора. Он мечтал построить когда-нибудь дом, который был бы похож на русские дома, но из всего аула только Чукубатор да Сарсенька смогли построить по русскому образцу, жители же всего аула спокон веков в землянках, да побогаче его, а где же ему, Кулумгарею, построить русский дом?

От Веренцовых Кулумгарей выехал только через час, он держался за чаем, который пил с таким удовольствием, что пот лил с него ручьями. Боясь, что его захватит в дороге ночь, он поскакал от двора Веренцовых в карьер по городской дороге, даже забыл подтянуть чересседельник.

Проводив Мишку с сеном, Балкуныс с поясом за пазухой, как победитель, весёлая шла с ведрами. Она ехала с Мишкой больше версты, которая показалась ей не больше десяти саженьей. Она пришла домой. Сказала мужу: «Я видела Мишку и его работника, они ехали с сеном с лугов. У них два коня гнедых, два рыжих, один карий и три серые, — подчёркивала Балкуныс свою наблюдательность, присутствующую её соотечественницам. — Я звала его в гости, а он сказал, что

приедет завтра. А когда я не поверила, сказала, что опять обманешь, то он снял вот этот пояс и отдал мне».

Кулумгарей обрадовался, засуетился. Он расхвалил жену за то, что она так хорошо умеет приглашать гостей, и что он был бы рад, если бы она умела так хорошо угощать гостей, как приглашать.

Прошёл день, второй, третий, за ними потянулись скучные, томительные дни и ещё более долгие, холодные зимние вечера и ночи. Балкуныс ждала, но Мишка всё не ехал и не ехал. Проходила уже вторая неделя.

Балкуныс посылала мужа на дорогу и выходила сама, чтобы утащить Мишку в гости, но Кулумгарей пришёл однажды и сказал, что встретил Веренцовых, был очень рад, но Мишки не было, а ехал с сеном сам хозяин, который никак не согласился пойти в гости, даже рассмеялся и обещал приехать после.

И стала Балкуныс искать выхода.

Давно муж поговаривал о том, что нужно купить хорошую корову, а свою, которая даёт мало молока, продать. В воскресенье Балкуныс проснулась рано, долго лежала, потягивалась, придумывала способ проводить куда-нибудь мужа. Вдруг она вскочила, позвала Кулумгарея, стала говорить:

— Сегодня воскресенье, ступай в город на ночь, там отдохнёшь, а утром выйдешь на базар

или пройдёшь по постоянным дворам и найдёшь корову. Завтра к вечеру вернёшься. Вот тебе пояс, заезжай к дяде Степану, отдай его потихоньку Мишке.

Кулумгарей уехал. Балкуныс радовалась своей находчивости, она стала готовиться к встрече с Мишкой: ватные стёганые брюки сняла, надела бархатный жилет с монистами, осмотрела себя кругом, осмотрела и комнату: везде ли и всё ли чисто; заварила жирное мясо, считала время, когда муж доедет до Мишки, когда скажет Мишке и уедет дальше. Пожалуй, Мишка приедет верхом.

Проходило положенное время, даже с наброской на все непредвиденные обстоятельства, а Мишки всё не было и не было.

Балкуныс выходила на крайние дворы аула, откуда была видна вся дорога до Мишкиной станицы, стояла, ждала...

Лютый морозный ветер со снегом нёсся под широкое ситцевое платье, как иглами колот тело, она убежала домой, к горящему очагу, подняв платье, отогревалась и опять шла смотреть на дорогу.

Был уже вечер. Смеркалось. Истерзанная горем, досадой, Балкуныс вернулась в землянку. Нет, теперь уже не приедет, теперь он побоится, его могут дорогой обидеть какие-нибудь русские. Надо надевать брюки и ложиться спать, нечего ждать. Теперь надо ждать завтра, если один не приедет, то Кулумгарейка привезёт. Пусть мясо остаётся

в котле, шорт с ним. Я есть не хочу. Даже думать про пищу не могу, тошнит. Аппетит пропал сразу... Уф! Ой! Аллах, аллах — помоги...

Разбитая, истерзанная тоской и рухнувшими надеждами, стояла у догорающего очага Балкуныс. Из жизнерадостного, свежего её лицо превратилось в искажённое, посеревшее. Она казалась постаревшей, похудевшей, плакала без слёз. Мишка теперь где-нибудь в своей станице играет с девушками. Он, наверное, не любит Балкуныс. Она думала и пристально смотрела чёрными глазами на окно, промёрзшее на палец льдом и снегом. Мишка не приехал.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Потекли скучные, однообразные дни. Без особой радости и интереса прошли рождественские праздники и святки. С фронтов приходили грустные сведения: русские давно очистили Восточную Пруссию, Либава была отдана противнику в мае 1915 года. Варшаву отдали осенью, наступая на неё, немцы кричали: «Отдай Аршава!» Русские очистили и Карпаты. Линия фронта изогнулась непонятным и неправильным зигзагом. В телеграммах экстренного выпуска ежедневно сообщалось одно и то же, всё известное: «Под давлением превосходящих сил противника наши части

отошли на новые позиции... Ввиду необходимости выровнять фронт наши отвели войска с такого-то боевого участка... Дабы избежать крупных потерь, наши части не оказывали сопротивления немцам и отвели войска на более удобные позиции...» И так далее.

На румыно-австрийском фронте, где русские помогали своим союзникам румынам, дела шли ещё хуже: румыны бежали от наступающих на них австро-венгерцев, особенно от немцев, кто куда, а неприятельские солдаты кричали им вслед: «Эй, роман, куда бежишь? Обожди!» Длинные ноги румынские кавалеристы на своих маленьких лошадаках, на которых садились, как на велосипед, с успехом обгоняли пехоту, отступая вглубь страны.

Русские, видя такую «защиту» румынами своего отечества, плевали в их сторону, крепко ругали по-русски и тоже отходили, за что румыны кормили их одними галетами.

В Турции глубоко увязла нога русских и их союзников, хотя правое наше крыло и овладело Эрзерумом и Трапезундом, а левое вышло к озеру Ван. Французы же и англичане топтались в Месопотамии — до проливов Дарданеллы и Босфор было далеко, и проблема овладения вместе с союзниками этими проливами оставалась неразрешённой.

Со стороны Эгейского моря по Дарданелльским фортам грохотали англо-французские орудия с первоклассных боевых кораблей,

но батареи фортов не допускали корабли на досягаемость выстрела, так как сами бросали снаряды дальше их. Русские боевые корабли также не могли атаковать Босфор, опасаясь минирования и огромных, дальнобойных турецких береговых батарей. Даже гулять по Чёрному морю было опасно, потому что турки грозили двумя германскими сверхдредноутами «Гебен» и «Бреслау». Эти губительные для противника германские корабли были переданы туркам перед войной для борьбы с русским Черноморским флотом.

Англичане и французы, чтобы координировать действия с русскими и, выбив турок из Азии в Европу, овладеть Малоазиатским полуостровом теми же проливами и соединиться с русскими у Черноморского побережья, — стали наступать из Сирии, но дальше Месопотамии так и не продвинулись.

Вступление же Болгарии в войну на стороне Германии и Австрии усугубило проблему соединения англо-французов с русскими через Дарданеллы — Мраморное море — Босфор.

Нерадостные были фронтовые дела, да и война-то всем надоела. Народ уже интересовался не тем, что сообщалось о победах, если бы они даже и были, а тем, не написано ли что-нибудь в газетах об окончании войны. У всех было на языке: «Когда же мир, не слышно ли что о мире?» А другие шептали: «Мир в вас самих, мир в серых шинелях ходит».

Намекалось на неподчинение приказам идти на фронт, намекалось на революцию...

А в армию всё брали и брали.

Чёрной змеёй подползла очередь к Мишкиному году. Он знал, что и ему придётся хватить горюшка по горло. Хотя он был уверен, что к маю — июню закончит курс на вольноопределяющегося, но это не спасёт его от фронта, от горя, а может, и от гибели.

Война чуть не ежемесячно вырывала жертвы из его станицы, начиная с первых дней, когда впервые раздался вопль: убит любимец станицы Петя Тырсин. Произведённый в первые дни войны в офицеры, он командовал казачьей, лёгкой, конногорной батареей на австрийском фронте. Он был сражён наповал осколком снаряда в голову. Вслед за ним потянулись жертвы, около полутора десятков, а потом и счёт потеряли.

Не редки были пропажи без вести. Немцы, захватив одного-двух казаков, не доводили их до штабов, расстреливали в кустах, в оврагах. Не любили немцы казаков. Не подходящие были им эти противники, не давали немцам ни отдыха, ни срока. Ни кавалерии, ни артиллерии, ни пехоте нет от казаков покоя.

От Мишкиного зятя Пантелея шли письма из германского плена. Диковина: казак, а в плену, да ещё и живой.

Он служил во втором Оренбургском казачьем полку в Варшаве, к началу военных действий

попал в армию генерала Самсонова, которая, вторгшись вглубь расположения противника, была окружена немцами у Мазурских озёр-болот. Ей неизбежно грозило полное уничтожение и пленение, но многим разрозненным частям удалось вырваться из окружения. За что кайзер Вильгельм отстранил от должности командира восьмой германской дивизии генерала Притвица. Отсюда начиналась карьера Гинденбурга³, вызванного кайзером из резерва чинов.

Мишкиному зятю не суждено было прорваться к своим, под ним убило лошадь, легко ранило самого. В кустах он сбросил брюки с голубыми лампасами и казачью фуражку, снял с убитого солдата всё солдатское и, одевшись, осмотрел себя кругом, рассмеялся: «Галка в чужих перьях, язви ево». Немцам он назвал себя солдатом Уфимской губернии такого-то полка, что на ум взбрело.

Теперь он писал письма из Германии о том, что находится к западу от Берлина. На фотокарточке из второго письма, где он сидел с какими-то солдатами, на коленях брюк ясно виднелась заплатка, над которой мать жены, Елена Степановна, пролила немало слёз. Он вскоре был отдан рабочим в крестьянское частное хозяйство. Жилось ему неплохо, но волка тянуло в лес. Лучше своей оренбургской станицы с её вольными степями, Уралом, в котором кишит рыба, а в лесу зайцев хоть руками лови, он не

находил, даже если бы жил в самом Берлине. Он ждал случая. Ночами подолгу лежал на спине, не спал, думал о доме, о молодой жене-казачке, о её огромном родстве⁴, с которым хоть целые годы пируй, никогда не надоест. Все так любят выпить, что повисшую на рюмке последнюю каплю языком слизывают, а пойдут драться — колья трещат. Да что там говорить: вспомнишь обо всём этом — душа радуется, а тут что? Нет, родная сторона так и тянет, так и тянет...

Но родная сторона только тянула, а не вытягивала. Впереди ничего не было видно. Война полыхала по-прежнему.

2

И всё же у событий свой век. Они созревают своим чередом, независимо от желания видеть их или не видеть, знать или не знать.

Уже начался мясоед⁵, начались свадьбы. Некоторые из Мишкиных друзей уже сидели за столами со своими невестами, у них шли девичники (время от сватовства до свадьбы с ежедневными вечёрками).

Мишка прятался от приглашений на вечёрки. Дома он ежедневно слышал слова матери, обращённые к нему или к пришедшим собеседницам.

— Вот разберут хороших невест, останемся на бобах, а женить нынче обязательно надо, — говорила Елена Степановна, — вот, сынок, кого захочешь, того и пойдём сватать, воли с тебя не

снимем. Но на сторону не поедем, бери здесь, у нас тоже много де-вушек хороших. А свадьбу надо начинать, нечего ждать.

Мишка отмахивался и уходил, думал протянуть весь мясоед, а весной видно будет: или на службу возьмут, или в Калугу уеду, лишь бы Митя приехал.

Он пошёл к своему другу Ваське, чтобы поделиться горем: мол, родители припирают с женитьбой. Уж если устоять не удастся, то чтобы жениться обоим. Он Ваське доверял, иначе не послал бы с ним письмо, адресованное Дмитрию, в котором просил брата помочь жениться на Гале.

Дом Васьки гудел родственниками, которые сразу умолкли, как только Мишка появился в дверях. Он поздоровался и прошёл в спальню, где Васька расчёсывал чуб.

— Уж не женить ли тебя кружит эта орава? — показал он на родных. Васька замялся, ничего не нашёлся сказать Мишке.

— А мне житья не дают, не хочется домой показываться. Так рвут, ключья летят, — горевал Мишка. — Пришёл к тебе посоветоваться. Уж если жениться, то надо обоим, — продолжал он, не зная о предательстве друга.

Мишка скучал без Паньки, тот сейчас болел: где-то в драке ему изрядно помяли бока, а потом пристала лихорадка.

Через паузу Васька стал бо-житься, что кое-кто из родных пришёл просто поболтать, а

жениться в этом году он не будет, и родные его не притесняют.

Успокоенный Мишка ушёл. Васькины же родители по просьбе сына в этот вечер послали сватать Надёжку. Васька постарался увидеть её и сказать, что он сейчас от Мишки, и тот ему объявил, что он совсем бросил Надёжку и женится только на будущий год на какой-то барыне, вероятно, на той самой, о которой писал в письме Дмитрию.

Обиженная и взволнованная Надёжка в тот же вечер дала согласие выйти за Ваську. Надёжкины родители три дня тянули с окончательным ответом, поджидая Мишку, который, по их мнению, должен знать о Васькином сватовстве. Как раз эти дни Мишка пребывал в неведении.

Узнав, Мишка собрался, пошёл к другу, уж очень было задето его самолюбие. Он быстро вбежал на Васькино крыльцо, рванул дверь, вошёл в комнату. Его встретили Васькины отец и дядя, оба пьяные.

— Здравствуй, Миша, здравствуй, — здоровались они заискивающе, — а вот мы своему соловью голову свистом скрутили, а уж он упирался, да ничего не вышло. Проходи, проходи, Миша.

— А где же он, этот самый ваш соловей-то? — хмурясь, спросил Мишка.

— Да он побежал кое-кого ещё позвать, — тянули Мишку за рукав к столу. Мишка шёл, как бык к ярму, через родных в зале.

Сегодня они пойдут к невесте в дом, где родные невесты в торжественной обстановке вручат им платок или шаль с головы невесты. Это значит, что невеста за жениха просватана, вот ему от неё задаток. После этого у невесты начнётся вечерка, ежедневно повторяемая до дня свадьбы.

Мишку усадили около стола, лезли наперебой с вилками и рюмками, как будто он был причиной удачного сватовства. Мишка сидел, широко расставив ноги, смотрел исподлобья.

На пороге появился Васька, увидел Мишку, приостановился, покраснел, как варёный рак, неуверенной походкой подошёл к Мишке, сел рядом, предательски скользнул взглядом по Мишкиному лицу и стал чуть не сквозь слёзы жаловаться на своих родителей: насильно его женят, да ещё и усватали такую девку, которую ему страшно не хочется брать.

В Мишке клокотала злоба, но подошла Васькина мать и ласково заговорила с Мишкой, справляясь о здоровье матери и отца. Мишка остыл, но всё же поднялся уходить. Васька повис на его руке:

— Миша, сейчас пойдём с тобой на вечерку. — Он боялся, чтобы Мишка не увидел Надёжку. Но тот не собирался этого делать и у Васьки не остался. Дома, лёжа на печке, предался невесёлым раздумьям: «Что же делать? Жениться на Гале — ведь от неё дети будут полуказачата, полумужичата, и сам чёрт их

тогда не поймёт. Их, наверное, на коне не выучишь ездить. Да и пойдёт ли ещё она? Здесь-то любила меня, а туда приехала, наверное, уж давно забыла. Ведь их, образованных, сам чёрт не поймёт: на словах одно, а на душе — другое. Надёжка, пожалуй, лучше, она казачка, правда, уж больно бойка, зараза, но у неё уж дети будут настоящие казаки. Нет, придётся посватать Надёжку, уж если не пойдёт, то чёрт с ней, на Гале женюсь».

Мишка послал вдову-родственницу к Надёжке.

Родственница принесла вести только на другой день. Она подала знак Мишке, чтобы он шёл в зал.

— Надёжка вот что сказала, — начала она, — если, говорит, он бросил меня совсем с потрохами и подходить ко мне не подходит уж сто лет, то я хочу его маленько проучить, теперь моя берёт, пусть поклоняется. Пусть он на барыне теперь женится, кляп ему в дыхало, а не Надёжку! — да ка-а-кишо больше матюкнётся, инды я испугалась. А родители её сказали, чтобы я вечером ишо пришла.

Ни вечером, ни утром Мишка ходить не велел. Он был доволен, может быть, теперь от него отстают. А Надёжка раскается не десятки, а сотни, тысячи раз.

Его не беспокоили целую неделю. На улицу он тоже не ходил, стыдно было. Слух распустили такой, что будто Мишка сам ходил к Надёжке и упрашивал, в ногах валялся: «Выйди,

ради Бога, за меня замуж, а то повешусь».

А вот она поставила на своём: «Нет и нет...»

«Правильно сделала Надёжка, молодец. Надо хоть одного Веренцова проучить», — не бесцельно одобряли и расхваливали некоторые Надёжку.

В то же время агентура работала: многим хотелось не прозевать момент и породниться с Мишкой, выдав за него родственницу, другим хотелось просто погулять на Мишкиной свадьбе, третьи хотели услужить его родителям.

Через неделю пришла сноха — жена Дмитрия, отозвала Мишку в сторону, стала говорить, как дипломат:

— Миша, я не знаю, кто тебе нравится, но вот я одно скажу, что лучше невест не найдёшь, как во-о-он там, в том конце живёт Наташа, ух, хороша девка. Ты её знаешь или нет?

— Нет, не знаю, — отрывисто отрицал Мишка.

— Она краси-и-и-вая, сми-и-и-рная, работа-я-я-я-щая и родители хорошие. Её сестра приходила ко мне и сказала, если пойдёшь сватать, то её отдадут.

— Так ведь я же не знаю её и никогда не видел! Что вы все пристали ко мне?

— Ничего, ничего, Миша, узнаешь, понравится она тебе, — невозмутимо, спокойно стояла на своём сноха.

Мишка молчал.

Когда сказали Степану Андреевичу и Елене Степановне,

на какой невесте остановились родственники, то они от удовольствия расцвели: уж больно родители-то невесты хорошие.

Сноху поддержали большинство родственников, и вопрос был решён.

Вечером Мишка пошёл к Паньке в дом.

— А-я-я-я-й, Миша, ты совсем забыл своего товарища, — заметила Панькина мать, — совсем забыл нас, с неделю не был. Что у тебя со сватовством-то?

— Нос утёрли, тётя, проучить вздумали. Вот теперь и буду век мучиться неженатым, — покраснел и против желания рассмеялся Мишка, проходя в переднюю к Паньке.

— Да уж вот и я говорю: дураки дураками и подохнут. Отказали, а потом будут бегать, сучить голяшками, жаловаться на самих себя, да будет поздно. Их подзудили, дураков, а они рады стараться: трах-бах и отказали, — провожая Мишку, говорила Панькина мать.

Мишка прошёл в светлую спальню, закрыл двери. Панька лежал на спине, не спал:

— Ну, что же не заглядываешь, аль об Надёжке всё плачешь? — смеясь, сказал он.

— Плакать-то не плачу, а вот стыд задушил. Надёжку бы я теперь надвое перерубил за такую обиду. Позавчера гонял коней поить на Урал, увидел её около платяной проруби, она полоскала бельё. Совсем было пошёл к ней, хотел столкнуть в прорубь и

вилами под лёд наладить, но какие-то бабы шли, я вернулся. Теперь вот и сижу, как кобель в своей конуре, никуда не вылезая, стыдно. Ну а ты скоро из своей берлоги вылезешь? Мне ведь ходить не с кем, вот и сижу на своём пчельнике.

— Если надо, то я сейчас с тобой пойду, — сказал Панька и стал одеваться.

Мать просунула в дверь голову и тихо сказала:

— Миша, тебя домой зовут.

Мишка попросил Паньку обождать, пока он сходит и узнает, в чём дело.

Дома уже собралось около десятка родственников, которые встретили Мишку с особой подчёркнутостью, упрасывая выпить.

Мишка волновался, злился, догадавшись о причине появления родственников, выпил подряд две рюмки. Все занимались отвлечёнными разговорами. С выпивкой наседали на Мишку несколько человек. Он отказался, и так уж выпил, сколько никогда не пил. Тогда его отвели в сторону и передали желание всех родных, а особенно матери и отца — женить его, тем более женитьба уже начата и бросать её на полдороги, значит вызвать насмешки у всей станицы. Мишка позвал «дипломата» в отдельную спальню, закрыл дверь.

— Я себе невесту уже усватал, у меня невеста есть. А Надёжку я сватал — просто пожалел её, дуру, а она, вот видишь, что сделала. А эту самую Наташу, про которую

ты говоришь, я нигде не видел и не знаю. А жениться я до службы теперь не буду. Теперь война, весной могут взять на фронт, за два года раньше времени.

— От-та дурак, неужели ты мне не веришь? Наташа лучше Надёжки в тысячу раз, я её хорошо знаю. А потом вот чего, — вкрадчиво говорил «делегат», — женись, чёрт с ней, чтобы не скучно было, а если весной возьмут на службу, тогда ты — вольный казак: куда надо, туда и поедешь, на ком надо, на том и женишься. А в хозяйстве работница останется, а на тебя и рукой махнут. Вот ты што пойми.

Мишка задумался, он почти дремал. И вдруг, выругавшись, махнул рукой и лёг спать.

Жест приняли за согласие. И отрубил этот жест Мишкину холостяцкую жизнь. С этого момента события, связанные с его женитьбой, развивались как бы сами собой, без него.

Проснувшись среди ночи, Мишка думал: «Что это за Наташа такая? Ведь я же её никогда не видел. Ну ладно, только до службы, а там к Гале подамся». Он отвернулся к стене и снова уснул.

3

Наташа была засватана на второй же день.

Смеркалось. Шумной ватагой повалили Мишкины родственники к дому Наташи, чтобы нализаться до спива и получить платок или шаль с головы невесты,

в знак полного её согласия. А потом Мишкины родные привалят назад, прихватив с собой родных Наташи, которые будут смотреть здесь жениха так же, как те смотрели там Наташу, с той лишь разницей, что здесь Мишка новых родных будет угощать самогоном, а там Наташа выходила просто так, напоказ, как на базаре.

Невеста Мишкина уже засватана, его родные уже пошли её смотреть, но Мишка ещё не видел, он пойдёт лишь через час, и хорошее ли она произведёт на него впечатление или плохое, — события будут уже колесить своим чередом.

Пьяная орава, увеличившаяся вдвое, как грозовая туча, двинулась обратно по улице, к дому Веренцовых. Она ввалилась в дом, осаждала спальню, приникала туда, висела на Мишке. Целуют Мишку мужчины, целуют женщины, его ли это родственники или родственники невесты — понять трудно. Они до тех пор надоедали с такими любезностями, пока их кто-то не выгнал из спальни и не загнал за столы, куда были уже усажены все старшие. Со всех сторон кричали: «Жениха давай, жениха смотреть! Может, он плохой, а то и пить не будем, откажемся и уйдём», — преимущественно шутили те, кто хорошо знал Мишку. Не знали его лишь некоторые старшие с другого конца станицы, и совершенно не знали отец и мать невесты.

— А шут их знает, — говорили отец и мать Наташи, когда их спрашивали, знают ли они жениха, — ходят и ходят они целыми табунами по улице, где их знать.

А когда им сказали, что жених очень похож на брата Дмитрия, то они перекрестились и сказали: «Час добрый, мы не супорствуем».

Когда пьяные кричали, требовали жениха, им несколько раз вталкивали из входной двери в комнату какого-нибудь казака, наряженного в лохмотья, измазанного сажёй, с криком и руганью:

— Нате, заразы, вот вам жених, только не зевайте.

Толпа с хохотом и руганью выталкивала этого «жениха» обратно, требовала другого, хорошего, а вваливался в дверь ещё страшней. Старшие тоже хохотали над молодёжью. Так продолжалось долго, пока не наигрались досыта. Потом все смолкли, гости приняли серьёзный вид. Мишке подали знак, он вышел из спальни, поздоровался, поклонился, грустно, утомлённо ожидал подноса с налитыми рюмками.

Отец Наташи что-то часто глотал и вытирал ладонью с растопыренными пальцами усы, губы и бороду, потом часто заморгал и зашептал: то ли потихоньку ругался, то ли читал молитву.

Степан Андреевич сидел в переднем углу рядом со своими новыми сватами, вопросительно заглядывал им в глаза, в глаза других гостей, как будто спрашивал:

«Ну как вы находите того, которого я таким сумел приготовить для вашей невесты? Не хвалитесь своей невестой, мой жених лучше!»

Молодёжь выкрикивала похвалы жениху, другие шутили, кричали: «Плохой, не годится...»

Елена Степановна вытирала слёзы.

К Мишке подбегали девушки, посланные невестой, сообщали: невеста ждёт.

По дороге Мишка зашёл за Панькой. Ватага девушек осталась у двора. Панька сидел одетый в спальне, ждал.

— Ну говори... Как и што... — поторопил Панька друга.

— Закружили башку и всё, что я больше могу сказать, — вздохнув, ответил Мишка.

— Но она будто ничего девка, я её немного знаю. Косили как-то в лугах рядом сено. Ну а ты-то её знаешь хоть немного? — спросил приятель.

— Да ни черта не знаю, и не видел сроду. Вот сейчас только смотреть иду, пришёл за тобой. Давай вместе пойдём смотреть, а то один влипнуть могу: молока не будет давать и телят не будет, — смеялся Мишка.

— Да теперь она хоть век без молока будет ходить. Так всё равно уж купил, — смеялись оба, выходя к девушкам.

В комнате невесты полно народу. Шум, говор, смех, подаются голоса грудные дети. Свободное место лишь на два-три шага от порога. Полукругом стояли

девушки, за ними любопытствующие женщины.

Мишка с Панькой перешагнули порог. В глазах зарябило от разноцветных полушалок, платков, лент в косах. Все, как на невидаль, уставились на жениха, рассматривая с головы до ног. Любопытно до слёз!

Но вот гости притихли, подались к дверям горницы, из которой появилась фигура, одетая в старое пальто и закутанная шалью до глаз. Поддерживаемая под руку свахой, она ковыляла к жениху, прихрамывая на обе ноги.

Мишка побледнел: «Вот влип! Пока не поздно, надо бежать». Оглянулся — кругом женщины, не убежишь без свалки. А Панька подлил масла в огонь:

— Здорово ты врезался, Мишка!

Кто-то крикнул:

— Это не она, не невеста! Мы ту знаем!

«Хромая» громко рассмеялась и убежала.

Робея, из горницы вышла в окружении подруг полная девушка в светло-коричневом шерстяном, отделанном по подолу и рукавам кружевными узорами платье. В руках поднос, на нём наборный серебряными пластинами казачий ремешок — подарок жениху. Шагнула навстречу Мишке, он остановил на ней упорный взгляд: «Она! Других-то всех знаю. А красивая!»

Под Мишкиным взглядом невеста отступила назад, показав

из-под платья белые туфельки на низких каблуках — Мишка решил, что она выше его — на мгновение остановилась и, как будто собрав силы и храбрясь, кем-то подтолкнутая в спину, пошла вперёд.

Мишка смотрел на её тёмно-русую голову с невидимой отсюда — он знал — тугой косой с бантами, на искристые оборочки на шее вокруг белого воротничка, на золотые серьги — подарок снوخу Анастасии и брата Василия.

Теперь и все смотрели на Наташу. Она вспыхнула всем своим нежным лицом, но тут же взяла себя в руки, улыбаясь до ямочек на щеках, остановив на женихе взгляд тёмно-серых глаз. Мишка не выдержал, быстро подошёл к ней, взял подарок и обняв, поцеловал в полуоткрытые губы.

Наташа подала Михаилу мягкую ладошку и повела через расступившуюся толпу. Он искоса взглянул на невесту, и его обдало изнутри пламенем. Он крепко сжал Наташину ладонь, та тихо ойкнула и усадила жениха перед маленьким столиком.

Здесь, за этим столом, жених и невеста будут сидеть каждый вечер — от одной до трёх недель, пока родители не договорятся о дне свадьбы.

На столе яблоки, конфеты, печенье, другие сладости и грызовые семечки. Сюда подходят и садятся девушки, парни, родственники, знакомые, чтобы поиграть в подкидного с женихом и невестой.

В других комнатах танцы, игры, шутки, одним словом — веселье.

За день до Мишкиного платка Надёжка обвенчалась с Васькой, а к концу Мишкиного девишника по станице поползли слухи, что Надёжку невзлюбила свекровь за какие-то «круглые слова», и Надёжке от мужниной матери нет житья. Васькины братишки обзывают Надёжку разными скверными словами, а та посылает их вместе с матерью ко всем чертям, а то и дальше... Вот теперь Надёжка подол в зубы и бегает к родителям, жалуется на свою горькую долю...

Настал день Мишкиной свадьбы. Как только кончилась обедня, молодые мужчины стали выезжать на тройках с колокольцами, с лентами в конских гривах и хвостах, на дугах и хомутах. Это приглашённые Мишкой товарищи и родственники со своей и невестиной стороны. Вечером они должны везти поездом жениха и невесту в церковь венчать. А сейчас катаются, развлекаясь, по улицам.

После того, как от невесты приехала с её добром пьяная орава на двух-трёх подводах и её выпроводили, предварительно залив водкой, как сельдь уксусом, Мишку стали собирать к венцу.

На полу перед образами разостлали огромную кошму. Мишка, склонив голову, встал на эту кошму перед сидящими родителями, крёстным и крёстной, чтобы они благословили его иконой

и хлебом. Он в это время кланялся три раза в пояс и три раза в землю. Теперь со своим поездом он должен ехать к невесте, которую к этому времени свои тоже благословили и ожидали жениха, чтобы благословить их вместе и повезти в церковь.

Во дворе Веренцовых готовились ехать за невестой: четыре тройки впряжены в убранные коврами санки, коренники — серые в яблоках, пристяжные — карие. На конях попоны. Под дугами коренников — бубенцы и колокольчики. Дуги в кумачовых и голубых лентах, ленты вплетены в конские гривы, чёлки, хвосты. Сбруя коней, уздечки, хомуты, шорки, шлеи искрятся наборными пластинками. Кони не стоят, рвутся с места, хотят скакать на просторе. Рукава коротких бекеш казаков белеют повязками — свадьба!

Женщины в полусапожках, в разноцветных широких юбках из дорогих тканей, на головах пуховые платки или цветные кашемировые полушалки. Верхняя одежда слепит расцветкой, она чуть ниже талии и подчёркивает стройные фигуры. Все ядрёные, пышные — кровь с молоком. Лица весёлые, одно красивее другого, одним словом, — вольные казачки. Во дворе — шум, смех, веселье, гармошка играет частушки. На первых санках жених, дружка Николай, двоюродный брат Мишки, сваха Анна, разбитная, красивая, средних лет. На других санках родные и друзья.

Некоторые на конях верхами будут сопровождать поезд.

— Все ли сели? — крикнул дружка.

— Все, друженька! — нестройно, шало ответил поезд.

— Всё ли взяли?

— Всё, друженька!

— Тогда с богом! — крикнул дружка и махнул рукой вперёд.

Тройки одна за другой выскочили из ворот Веренцовых. Толпа у двора и на улице, наблюдавшая выезд жениха, отхлынула на обе стороны. Кучер, сидящий на передних санках у жениха, пронзительно свистнул. Кони, испугавшись, присели и рванулись, готовые выскочить из упряжи, понеслись стрелой вдоль улицы, выбрасывая из-под копыт шматки снега во все стороны. Заиграли гармошки на санках, и в такт им хрястнула разудалая орenburgская частушка с присвистом и гиканием, захватив, как ураганом, своим весельем несколько улиц станицы. Женщины махали истушплённо платочками.

У ворот невесты такая же огромная толпа ожидала поезд жениха. Некоторые уже «погрелись» и навеселе.

— Што-то долго нет жениха?

— Можя, отказался? А то мы вмиг жениха другова найдём. Невеста-то вон какая сдоба! — шутят у ворот.

Вдали, по улице, появились скачущие во весь опор тройки.

Слышна игра гармошек и разудалая игристая частушка. Тройки вихрем влетели во двор

Бурлуцких. С шумом и смехом ссыпались поезжане с санок.

Дружка соскочил, подал руку жениху и повёл его к надворному крыльцу. За ними толпа поезжан.

Взошли на крыльцо. Двери закрыты, за ними слышны смех, хихиканье. Дружка постучал чепенком нагайки в дверь, громко сказал:

— Господи Иисусе Христе, помилуй нас!

— Аминь! — откликнулись в сенях.

Дружка три раза повторил стук и заклинание.

— Можно зайти?

Двери открыли.

— Пожалуйста, дорогие родственники, милости просим, — сказала сваха и поднесла дружке стакан самогона: — Примите с поклоном! — и низко поклонилась.

Поезжанам во дворе подносили по две рюмки и закуску. После этого они с большим подъёмом играли на гармошках и пели в припляс частушки.

В горнице под образами сидела Наташа в полном убранстве. На одной стороне стола — родня невесты. За маленьким столиком перед невестой на табуретках блестяли сапожками два мальчика лет по двенадцати — её охрана, «торговцы» косой в белых рубашках, расшитых цветочками по приполку, воротнику и рукавам. Чубы расчёсаны набок. У одного в руках свёрнутая вдвое нагайка. На столике деревянная, круглая, крашеная, в цветочках чашка.

Николай вынул из кармана щепоть медной мелочи и бросил в чашку. Оба «продавца» как по команде заглянули туда.

Один из них ударил нагайкой о стол. И оба в один голос:

— Э, мало! Не продадим косу невесты!

Николай из другого кармана вынул щепоть серебряной мелочи и положил в чашку.

«Продавцы» заглянули в чашку — и снова удар нагайки о стол:

— Э-э... — закричали «продавцы» — мало! Не продадим косу!

Николай опять опустил руку в карман, теперь уже брючной, достал два полтинника и положил в чашку.

Ребята оба заглядывают в неё, смотрят друг на друга, ухмыляются и опять «хлоп» по столу нагайкой:

— Э-э-э, — ещё громче затянули «продавцы». — Мало! Не продадим косу!

У дружки выступил бисером пот на носу.

Николай опустил руку в другой карман брюк, вынул две бумажки по рублю: «Если ещё запросят, — хоть беги домой за деньгами или покупай в долг косу. Вот бестии! Взять бы нагайку да отхлестать вас, шельмецов!»

В это время кто-то из родных дёрнул за чуб одного из «продавцов» — хватит тянуть.

На этом «продажа» косы невесты закончилась. Николай подал жениху один конец платочка, держась сам за другой, повёл его к невесте.

Здесь родители Наташи благословили их иконой, хлебом и солью, осыпали хмелем на счастье.

За длинным столом, в конце которого под образами посадили жениха с невестой, все выпили и закусили. И поехали в церковь на венчание.

Было уже поздно. Тройки выскочили со двора невесты на улицу, к ним присоединились санки её родственников, и весь поезд полетел в центр станицы, к церкви.

Мишка с Наташей сидели на передних санках, с ними дружка. Ноги до пояса укрыты тулупами. Ветер свистит от быстрого бега тройки.

Вот мелькнули окна Надёжкиного дома. Как будто шилом кольнул Мишку в сердце позор, нанесённый ему. Он задумался... Пустырь, летевший навстречу, напомнил детство, когда они с Панькой выскакивали отсюда верхом на свиньях, и те в сумасшедшей гонке скакали со своими седоками. И теперь Панька был рядом. Он скакал вслед за Мишкой как ближайший друг и весело смеялся со своей Веркой и её подругой. Мишка улыбнулся.

Резко вырос, надвинулся дом, в котором жила Галя. Вот её комнаты, сюда он пришёл к ней впервые, за этим окном он полюбил её... Здесь сидел ночами после её отъезда. У Мишки стало ломить виски, ему стыдно было смотреть на её окно. А дом как будто иронически улыбался. Мишка отвернулся. Забывая

было тоска подкатила комом к горлу. Мишка хотел заплакать, соскочить с санок и убежать, но незнакомое оцепенение удержало его на месте...

Тем временем безжалостно быстро двигалась навстречу церковная площадь. Вот она уже у ног передних коней.

Страшная, пирамидальная, тёмная громадина церкви со множеством слеповатых, решетчатых глаз — как тюрьма, тускло освещённая изнутри, смотрела из глубины площади на Мишкин поезд.

Огромные церковные двери, словно две необыкновенные губы, пропустили Мишку и Наташу в пасть этого призрака, чтобы обсосать с жертвы красоту и волю и выплюнуть.

Церковь встретила живой стеной народа, замороженными взглядами женских глаз. Мишка и Наташа стояли рядом. Мишка свирепо смотрел на аналой, словно приходя в себя, думал: «А ведь так и женят они меня, да уж без малова женили», — и беззвучно, бессловесно ругался. Наташа несколько раз вскользь посмотрела на Мишку.

В толпе выделялась высокая женская фигура, это была учительница Анна Григорьевна Голощапова, старая дева. Она ходила к Веренцовым и любила Мишку, как сына или брата. Вздохнув, она громко сказала:

— Ах, какая хорошая пара, какая красота, ну просто восхищение!

Женщины молча кивали головами в знак согласия.

Наташа ещё раз посмотрела на Мишку.

— Вот ещё, нашла где хвалить, и так стыдно, все вытаращили зенки, как на медведей, — шёпотом сказал Мишка. Он свирепо, вскользь посмотрел на людей, как на место казни, где преступника окружают только враги.

Поодаль, сбоку стояла низко подвязанная шалью, с бледным лицом и виноватым, страдающим взглядом Надёжка.

Мишка не слышал, что говорил и пел священник, и только когда он со словами: «И положил на головах его венцы» подошёл к ним, Мишка увидел, как священник взял венцы с подноса в руках псаломщика, чтобы надеть на их головы.

Тяжёлый, бронзовый, под цвет золота, холодный венец придавил косички волос на Мишкином лбу. Как символ гнёта и вечных уз, венец тесным, острым обручем сдавил голову со всех сторон.

Мишке показалось, что по нему дали залп, но совсем не убили, а только изранили. Наташа нервно переступала с ноги на ногу. Ей хотелось, чтобы всё закончилось поскорее.

Новобрачных повели из церкви. Они шли рядом, держась за платочки. Толпа следовала за ними. Ближе к Наташе шла сзади Надёжка, она что-то шептала. А когда пришла домой, набросилась на Ваську:

— Ну што, брехун, язззвиге! Говорил, Мишка на барыне, на

барыне будет жениться, да в этом году и не будет жениться. Да ты и письмо-то, наверно, сам написал, дурак...

— Что орёшь? — отговаривался Васька.

Из церкви новобрачных встретили Мишкины родители. В дом Веренцовых вошли по той же кошме, на которой новобрачных благословляли иконой и хлебом с солью.

Чего только не было в горнице на столах, накрытых белоснежными скатертями! Варёное и жареное мясо, заливная красная рыба, жареные сом, судак, осётр. Холодцы из свиных, утиных и гусятин, гуси, утки, куры в соусах с картофелем, пироги с рыбой, утиным мясом, огурцы и помидоры в рассолах, в глубоких чашках куски солёных арбузов в своём соку, пирожки с калиной, ежевикой, вишней, клюквенные, вишнёвые и ежевичные кисели и ещё множество всякой всячины. Не было на столах свободного места! А посреди этих груд яств возвышались, как наблюдатели за порядком, четверти с самогонном. Для новобрачных — бутылка дорогого вина.

Ничего не пожалел Степан Андреевич для младшего сына. Приглашённых с обеих сторон немало — около шестидесяти человек. Нужно показать товар лицом, чтобы гости не осудили в жадности — это было бы позором на всю станицу.

Отец и мать Наташи смотрели на всё это убранство со своим

интересом — прикидывали, как бы завтра «не упасть в грязь лицом», ещё лучше приветить своих гостей.

Новобрачных усадили в передний угол, под образа. Мишке в своём доме было легче, а бедная Наташа сидела, как в тумане, всё, казалось, происходило не с ней. Щёки пылали, как будто жгло их пламя костра. Когда кричали «Горько», она машинально вставляла, подставляла губы для поцелуев: «Скорее бы кончились эти мучения». Этому вечеру, казалось ей, не будет конца.

По обе стороны рядом с новобрачными — их родители. Дальше — крёстные отцы и матери, потом почётные, убелённые сединами старики — у многих на мундирах два-три Георгиевских креста, а то и целый бант, и медали за военные кампании. За ними остальные приглашённые.

Наконец все расселись, успокоились. Всем налит самогон в рюмки, стаканы. Родители жениха и невесты первыми чокаются с молодыми, поздравляют их с законным браком, целуются с ними. Все встают с налитой посудой в руках, поздравляют молодых, протягивают руки с рюмками, чокаются, кричат: «Горько! Ура!» Всем распоряжается дружка. Молодожёны только пригубливают, пить не полагается, грех.

После первых рюмок наливают ещё, а потом пошло и пошло, и закружилось в удалом вихре. Поминутно слышны выкрики:

«Горько!» Кто-то кричит после поцелуя: «Сладко!» Веселье берёт верх. Под гармошку по полу, как по бульжнику оцинкованными колёсами, отстукивают плясуны каблуками «казачка», «цыганочку», «барыню». Под гармошку, в пляске, поют разухабистые частушки с разбойничьим присвистом, хоть уши затыкай. Шум, крик, смех, шутки. Одним словом — гулянье.

4

Елена Степановна не переставала плакать в последние дни: за два дня до свадьбы, когда Мишка уезжал за сеном, принесли письмо от Дмитрия. Елена Степановна попросила сноху прочитать письмо. Дмитрий писал брату о Гале. Из письма женщины поняли, что Михаил хочет жениться на какой-то Гале, не иначе как учительнице соседней станицы, а Дмитрий не только соглашается, но и настаивает не упускать хорошей и образованной женщины, привести её в дом, но пока не венчаться, а под её руководством закончить курс учёбы, поступить в юнкерское училище, тогда обвенчаться, так как женатого в училище могут не принять, даже не считаясь с военным временем.

Елена Степановна и сноха поспешили запрятать это письмо, чтобы оно не попало в руки Миши до свадьбы, иначе он переломает всё дело и всё приготовленное пропадёт. Столько наготовили самогона, кислушки наварили, разных сладостей из

города навезли, а тут вдруг — на поди! Самогон весь прахом пойдёт, его выжрут за одну неделю мужчины-родственники, пронюхают и будут являться чем свет каждый день. Кислушка тоже вся прокиснет, разные сладости из города тоже съешь, не утерпишь. А стыда сколько? Скажут: «То сватали, а потом сами отказались». Нет уж, видно, что Бог даст. Они решили отдать письмо после свадьбы.

Елена Степановна запрятала письмо, вздохнула: «Ну, как Бог миловал, не попало письмо Мише. Сколько бы оно горя принесло. А изъяну-то, изъяну сколько? Рублей на триста».

Не понимала мать, как можно исковеркать жизнь самого любимого из детей.

Теперь она сомневалась не только в своём поступке, но и в прочности Мишкиного брака — и плакала. Не знала Елена Степановна, что те триста рублей, которые она боялась потерять, были бы много раз возмещены восемнадцатью тысячами Галиного приданого...

Кругом кричали: «Горько!» Мать не могла смотреть на Мишку без слёз. А Мишка думал о Гале. Если бы она нашла Анну Григорьевну и договорилась учительствовать, то та допыталась бы у Гали о её цели и, любя Мишку, специально выехала бы в станицу, чтобы повлиять на Веренцовых, тотчас женить Мишку на Гале, и теперь рядом с Мишкой сидела бы она, а не Наташа...

Если б Дмитрий был дома к приезду Галиного отца, он пошёл бы к Борису Васильевичу, договорился с ним, привёл Галю за руку в дом отца и сказал бы: «Вот вам сноха, а муж её — мой младший брат!» И сейчас Галя сидела бы рядом с Михаилом, пусть не обвенчанная, но уже обручённая... А если бы осталась учительствовать в станице, то Мишка гулял бы с ней, приводил домой, под её руководством учился, а к окончанию Галиного учебного сезона и он закончил бы курс за шесть классов гимназии. А там, пользуясь связями старшего брата с войсковым начальством, поступил бы в юнкерское училище и тут же обвенчался бы с Галей.

Ну а что теперь? Один выход: не ждать призыва, убежать в Калугу. Мишка не слышал, что ему кричали.

Балагур и песенник на всю станицу племянник Степана Андреевича Егор Веренцов затягивает любимую всеми песню «Скакал казак». Вначале пробует высоту: кому каким голосом петь.

У Егора высокий, бархатный голос, он сразу привлекает внимание. Эта песня вызывает у всех жалость к казаку, стремившемуся в свою станицу, где его встречает беда, и судьба резко меняется. Они чувствуют, что такое могло случиться с каждым. Правдивую песню любят.

Егор начинает протяжно:

*Ска-а-кал ка-а-за-ак через
до-ли-и-ину-у...*

Подхватывают вначале вразброд, потом выравниваются:

Через Ма-аньжурские
поля-я.

Скакал он, вса-а-дник
оди-но-о-кий,

Блестит колечко на-а руке-е.

Песня ведётся голосами то
вверх, то вниз, как бы затухая,
и представляется: скачет казак по
долине — то вверх, то вниз, и пес-
ня скачет вместе с ним.

Егор продолжает плавно:

Кольцо ка-аза-а-чка
по-о-дари-ла-а...

Хор голосов не вразброд,
стройно, подхватывает:

Когда ка-а-зак шёл во поход —
Она да-а-ри-и-ла,
го-о-во-ри-и-ла...

На слове «дарила» Егор под-
нял высоко голос и продолжал:

Что через год буду-у твоя.

Песня возбуждает, захватыва-
ет и тех, кто не пел, а только
слушал уже в сотый, может быть,
раз. Женщины высокими голо-
сами тянут на самую вершину.
Егор повествует:

Вот год прошёл, ка-а-зак
стрело-о-ю-ю...

Хор вклинивается возбуж-
дённо:

В село-о ро-о-дное
поскака-а-л,

Завидел ха-а-ту под горо-о-ю,
Забилось сердце ка-а-зака...

Песня хватает не только за
сердце, — забирается под рубаш-
ки, вызывает мурашки по коже.

Егор повторяет ещё раз, чтобы
все прочувствовали ситуацию:

Завидел ха-а-ту по-од
горо-о-ю-ю,

Хор тянет:

Забилось сердце
ка-а-зака...

Навстречу шла ему
стару-у-ушка

И что-то шепчет про себя...

Егор ведёт судьбу:

Напрасно ты, казак,
стреми-и-шься-а...

Голоса подхватывают:

Напрасно мучаешь коня,
Тебе ка-а-зачка изменила,
Другому сердце отдала-а-а.

Егор продолжает своим бар-
хатным голосом:

И повернул казак налево-о-о...
Все, опустив головы, взды-
хают:

И в чисто поле поскакал,
Он снял с плеча свою
винтовку

И жизнь покончил навсегда-а,
Егор повторяет:

Он снял с плеча-а свою
винтовку-у...

Весь хор подтягивает:

И жизнь покончил навсегда.
Пускай казачка вспоминает
Меня, лихого ка-а-за-ка-а.

Песня возбудила давно про-
житое и забытое, но в глубине
души оставшееся. Может быть,
вот так же кто-то из сидящих
здесь скакал в родную станицу
с надеждой, а получил разоча-
рование... нужна была разрядка.
Давай гармошку! Она развеет
грусть. И пошли разухабистые
припевки с приплясом, с при-
свистом.

Сват, Наташин отец, скло-
нившись к Степану Андреевичу,
говорил:

— Эх, Егорка-то, и мастак...
песню вести, за груди хватает.

Кто не умеет петь, дак и тот запоёт. Давай, сват, выпьем за молодых. Дай им Бог мира и благополучия в жизни.

После частушек затянули про Ермака Тимофеевича. Егор, опять лаская душу, начал:

*Ревела буря, дождь шуме-е-л,
Во мраке молния блистала...*

Стройно подхватили:

И беспрерывно гром

греме-е-л...

Басы низили последнее слово, а Егор поднял свой голос до той высоты, где гремит гром и молнии блистают. И — тихо:

И ветры в дебрях бушевали...

Егор вёл дальше:

*Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и*

угрюмой...

Хор голосов на подъёме:

На диком бреге Иртыша-а-а

Хор понижает:

Сидел Ермак, объятый

думой...

Егор:

Това-а-ри-щи его трудов,

Побед и громкозвучной

славы...

Голоса — с подъёмом:

Среди рас-ки-ну-тых

ша-а-тров

Беспечно спали средь

дубравы.

Кому-то эта песня показалась слишком длинной, предложили другую — украинскую:

— Давай Дороша!

Егор и эту хорошо знает.

Наташин отец встрепенулся, как же, бурлуцкие — потомки запорожцев. А он — Пётр Бурлуцкий,

сердце зажглось! А песня о запорожцах.

Егор тянет:

*Тай на, тай на горе жницы
жито жнуть,*

*Тай на, тай на горе жницы
жито жнуть.*

Хор подхватывает:

*А по-тид горо-о-о-ю, яром,
долыно-о-о-ю*

Казаки йдуть.

Гей! Долыною гей!

Широкою — хорошенько!

Егор продолжает:

По-не, попереду Дорошенко,

По-не, попереду Дорошенко...

Хор как громом ударил, даже стёкла задребезжали:

*Веде своё вйско, вйско
запорижско —*

Хорошенько!

Гей! Долыною, гей! Гей!

Широко-о-ю — хорошенько!

Егор своим высоким бархатным голосом витал где-то в небесах — не уловишь:

А-по, а позади Сагайдачнийй,

А-по, а позади Сагайдачнийй...

Хор тянет укоризненно:

*Шо промзнав жи-и-нку, за
тютюн да люу-ульку*

Необбачныйй.

Гей! Широко-о-ю. Гей!

Широко-о-ю — необбачныйй.

Егор как бы слушает Сагайдачного:

*Мэнэ, мэнэ з жинкой
нэ возыться,*

*Мэнэ, мэнэ з жинкой
нэ возыться.*

Хор утверждает:

*А тютюн да лю-у-у-лька
казаку в доро-о-зе*

Прыгодыться.

Гей! Дольною, Гей!

Широко-о-ю

Пригодится!

Егор следит за конницей запорожцев и зовёт:

*Тай, вер, тай, вернися,
Сагайдачный,*

*Тай, вер, тай, вернися,
Сагайдачный.*

Хор как бы приказывает:

*Возмы свою жинку и тютюн
да люльку необбачный*

Гей! Широко-о-ю, Гей!

Широко-о-ю необбачный.

Украинские песни умели петь, половина станицы была из украинских казаков, близки были всем тягучие, прелестные песни. А эта, про запорожцев, в сердце каждого казака-благословенца. После неё затянули тоже казачью «Солнце скрылось за горою». Потом про Стеньку Разина, потом про цыгана: «Один цыган не пьёт, не гуляет» и припев искристый: «Стояла, думала цыганочка молодая»...

Веселье продолжалось до глубокой ночи... Разошлись по домам кто как мог. Тех, кто жил далеко, на краю станицы, развозили на санях навалом.

От шума, нервного напряжения у Мишки разболелась голова. Он не помнил, как уснул. Проснулся поздно, Наташи около него не было, ушла, видно, помогать матери-свекрови и женщинам стряпать.

«Куда же она убежала? Уж очень что-то заботливой хочет себя показать... А что если бы на Балкунис жениться да пойти по

улице, а она шла бы в брюках с забранными в них платьями... Вот потехи-то наделал бы, ребятишек собрал со всей станицы», — с грустной бесшабашностью думал Мишка.

На другой день назначили сбор у родителей Наташи.

Новобрачные приехали на санках. Приглашённые пришли почти вовремя, некоторые уже навеселе.

Столы ломились. Бурлуцкие даже превзошли Веренцовых: под конец вечера выставили свежие арбузы и дыни.

И песни пели тоже старинные, казачьи — русские и украинские.

Брат Наташи — Василий незаметно отлучился и появился уже в украинской одежде: в широких красных бархатных шароварах, заправленных в хромовые полусапожки на низком каблуке; в белой рубашке, расшитой на рукавах и груди замысловатыми рисунками и заправленной в шаровары. В тонкой талии перетянут голубым кушаком. На голове — чуть набок — папаха из мелкого каракуля с голубым верхом. Изпод папахи падает смоляной чуб. Глаза у Василия большие карие, брови чёрные, усы мышинными хвостиками опускаются по углам рта. Едва показался он среди гостей, все повернулись в его сторону, разглядывая и улыбаясь.

— Василь, «казачка» резани! — закричали гости.

И Василий «резанул». После «казачка» станцевал чечётку, да так, как будто только этим и

занимался всю жизнь. Ноги летали неуловимо, а сам улыбался, показывая из-под усов белые, как сахар, ровные зубы.

Ему кричали: «Молодчина, Василь! Ура Васе!»

И опять гуляли до глубокой ночи. Домой развозили на санях, как и от Веренцовых, навалом.

Гулянки продолжались почти две недели. Родственников с обеих сторон много, у всех нужно побывать, и везде шумно, весело, пьяно. Песни, пляски, припевки под гармошки. И всё же не до всех дошла очередь. Устали от сутолоки, шума, да и хозяйством нужно заняться. Скотина вовремя не поена, не кормлена, не убрана. Коровы выглядывают через ворота заднего двора, орут во всё горло трубным призывом: просят напоить и подоить.

Весёлая толпа по несколько раз в день проходила по улицам станицы с плясками, пением под гармошку. Молодые женщины забежали на Надёжкино крыльцо, исступлённо плясали на нём и кричали среди улицы: «Можя, суда зайдём?» Надёжкины родные не показывались даже в окнах.

Мишка и Наташа за толпой не ходили. Они ездили на санках или уходили другой дорогой.

5

После окончания свадьбы Елена Степановна достала из сундука письмо Дмитрия, адресованное Мишке. Бледная, как стенка, с опущенными глазами, мать дрожащей рукой подала

Мишке письмо и отошла в сторону, а потом, вытирая фартуком слёзы, ушла в другую комнату, готовясь выслушать всё, что может сказать оскорблённый сын. Она с минуты на минуту ждала этого, как ждут облегчения своим страданиям, ясно сознавая, какую обиду, а может, несчастье могла принести сыну.

Взяв письмо от брата, Мишка побледнел, потом щёки загорелись. Руки тряслись, болью сжало сердце. Мать всегда торжественно вручала ему письма от старшего брата, с радостью слушала чтение до конца. Исчезновение матери указывало на какую-то непонятную связь её с письмом, какую-то вину.

Мишка поднёс к глазам лист бумаги, исписанный родным почерком: «Здравствуй, Мишенька! Я очень и очень рад твоему счастью, которое ты приобретёшь, женившись на этой Гале. Вы будете гордостью не только нашего родства, но и всей станицы. Много говорить на эту тему не буду. Сейчас же, не медля ни минуты, веди её в дом, каких бы трудов и какой бы цены это ни стоило. Женщине, о которой ты пишешь, нет равных не только в станице. Моя задача тебе такая: к моему приезду ты должен быть на ней женат. Об этом скажи тятё и маме. Несмотря на женатое положение, добьюсь твоего зачисления в юнкерское училище — поможет образование твоей жены. Итак, договорились. Других разговоров на эту тему не может быть. Если встретишь какие-нибудь

препятствия, шли мне сейчас же телеграмму. Надеюсь, не пройдёт и месяца, как ты будешь женат на ней, если ты — мужчина и казак. Действуй смелее, решительно, независимо. Целую всех! Дмитрий».

Мишка несколько раз прерывал чтение — в висках стучало, тошнило. Дочитав до конца, он, как больной, поплёлся в другую комнату. Там с вопросительно-покаянным видом стояла мать.

Походя мимо с опущенной головой, Мишка без слов, укоряюще взглянул на неё. Он лёг на кровать и словно провалился в сон. До вечера он не вспомнил о еде, не ел и на другой день.

Подходила Наташа, не зная причины болезни, клала на голову руку. Мишка нежно гладил её руку, как будто говоря: «Оба мы с тобой несчастные, а особенно — ты...» С Наташей Мишке было скучнее, чем одному. Пытался играть с ней в снежки, игра не получалась. Наташа скоро убегала в комнату и больше не возвращалась. Мишка со снегом нападал на мать и Дуняшу, те ему отвечали, и он играл с ними. Вечером уходил к товарищам, сидел там до полночи. Придя домой, находил Наташу всегда спящей, а просыпаясь, она никогда не делала ему замечаний. Он не уделял ей внимания, которого она и не требовала, как будто не нуждалась в нём.

Приехав домой, Галя испытывала гложащую её со всех сторон тоску. Первое время с часу на

час ждала почтальона. Хотелось увидеть из Мишкиных писем, насколько откровенен он и прям с ней. Строчки писем даже показывала матери, особенно чуткой к чужой психологии — этому учила и Галю. Вдвоём они заключали, что Михаил не из тех, кто лжёт, глядя в глаза и не краснея. И что такой же он и в письмах.

С наступлением лета мать Гали решила ехать в Благословенную, посмотреть Веренцова, а если удастся, то и поговорить с ним, не выдавая себя. Конечно, если до начала лета Михаила не мобилизуют на фронт.

Борис Васильевич давно уже понял бесполезность уговоров дочери, теперь он ждал или приезда Веренцова или отъезда Гали. Пожалуй, в обоих случаях придётся продать дом и предприятие и переселиться в Оренбург. Он был уверен, что Михаила к Калуге надолго не привяжешь, будет рваться в станицу, в свои степи.

Борис Васильевич дал согласие на поездку жены с наступлением лета.

Мишка тем временем писал письма, зубрил учебники и вечерами похаживал на улицу к товарищам. Наташа ему не препятствовала.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Третье марта 1917 года.

Рано утром к Веренцовым в волнении прибежала соседка

и тихо зашептала Елене Степановне:

— Кума, что я слышала: буд-то бы царя сменили. Вот ей-богу, Агафья говорила, — она часто крестилась, что-то глотая. У Елены Степановны вытянулось лицо, она перекрестилась.

— Што ты, што ты, кума! Бог милостив, не допустит. Гы, помазанника Божьего, да чо там говорить, да кто может его сменить? Пусть не болтает эта Гашка, ей завсегда все книги в руки. Ты уж, кума, при Степане-то не говори, а то он нам обеим хвосты накрутит да твоему скажет, а тот прибавит, — шёпотом предостерегла Веренцова. В коридоре послышались шаги. Кто-то крепко рванул морозную дверь. На пороге появился Степан Андреевич с белой от мороза бородой.

— Вот оно, было начало таять, а потом опять заковало, инды дух захватывает. Здорово, кума Васильевна! Чо кум делает? — спросил Веренцов.

Васильевна подвинулась раза два по скамейке взад и вперёд, виновато поморгала и, как будто оправдываясь, сказала:

— Да мой уехал в город, а я вот пришла к куме Степановне, да так, кое о чём болтам. Бабы ведь: чо правда, чо неправда, всё болтам.

Степан Андреевич испытующе посмотрел на обеих. Он догадался, что между ними был какой-то разговор, прекращённый с его приходом, и, раздеваясь, спросил:

— Ну чо же вы, кума, здесь болтали-то? Мне тоже охота послушать. Кума нет, дак хоть с вами поболтать. — Женщины переглянулись. Васильевна смотрела вниз, размышляла: «Если сказать, то этот только поматерит, да и только, а уж если мужу скажет, то тот обязательно задницу напорет. Вот ещё с этой Агашкой связалась, подь она вся к чёрту». Елена Степановна тоже взвешивала про себя: «Ишшо тут эту чёрт принёс, теперь, если сказать, то как бы обеим не наклал, но слух-то уж больно интересный».

— Да вот как бы тебе сказать... Кума говорит, Агафья сказывала, чо, мол, дескать, там с царём, с батюшкой неладно, — вспотев, говорила Веренцова, часто утирая нос и моргая глазами.

Степан Андреевич нахмурился и насторожился. Васильевна рысью затрусилась к порогу, на ходу подвизывая спадавшую юбку:

— Ах, батюшки, у меня там калачи, наверное, сгорели... Приходите к нам, — уже за дверью крикнула кума.

Степан Андреевич ходил, потирая холодные руки. А когда доходил до передней стены, где около стола стояла Елена Степановна, та с каждым разом пятилась подальше за печку, чуть-чуть поворачиваясь в сторону мужа, боялась.

Опасное, неловкое положение матери спас Мишка. Он вбежал со двора, куда только что пригнал коней с водопоя, закрыл двери и вкрадчиво сказал:

— Тятя, все люди говорят, что царя сменили и на его месте пока никого нет... Да не маши рукой. Вот сейчас на прорубях казаки говорили, вчера из города газеты привезли и читали.

— Язык надо под корень отрезать, кто говорит, — возразил Степан Андреевич. — Ну, если бы нашёлся какой дурак сменить, то сейчас другой был бы: ну, Николай Николаевич или ещё кто, а то — никого нет. Да как же мы-то сейчас с тобой живём без царя? Ведь это же, что без Бога... Нет, сынок, ты не верь бабским словам. Вот оне, черти лупоглазые, — показал Степан Андреевич на жену, — сейчас мне тоже сказывали, что Агафья им говорила. Ну уж если Агафья сказала, то, значит, правда, — горько улыбнулся он. — Ну, вот уж кума дождёмся из города, он привезёт газету. Посмотрим, что это за музыка...

Обеду помешал соседский мальчик, посланный отцом, вернувшимся из города: «Отец скорее зовёт дядю Степана читать больно антиресную газету». Степан Андреевич бросил ложку, бегом побежал за новостями.

Не прошло и десяти минут, как он возвратился с соседом-кумом и газетой в руках. Под крупным заголовком «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ» газета сообщала, что по требованию Государственной Думы государь император Николай Александрович, самодержец Всероссийский, подписал манифест об отречении от престола в пользу своего брата Михаила.

Подробностей отречения не было, это обстоятельство всё как-то комкалось и переиначивалось, однако назревшие события чувствовались ещё с декабря шестнадцатого года, когда газеты объявили о первой неприятности царского дома. Об убийстве Распутина сообщалось, что в ночь на такое-то декабря в квартире князя Юсупова убит Григорий Ефимович Распутин, тело которого наутро было найдено в Неве.

Кто такой Распутин, где работал, в какой должности, кем убит и за что — ничего не объяснялось.

О Распутине никто ничего не знал. Называли его и монахом, и священником, а некоторые — просто вышибалой из заведения. Говорили, что уж очень плакала о нём сама государыня. И чего верить всякой болтовне, что плохой человек, о плохом не стала бы плакать сама царица.

Прочитав газету, Степан Андреевич и кум в испуге переглянулись, будто жестоко осуждённые без права на помилование. Они молча крутили «козьи ножки» и жадно, нахмутив брови, курили одну за другой. Оба плевали на пол около порога, сосредоточенно думали. Наконец Веренцов сказал:

— Ни черта я всё-таки этому не верю. Тут какая-то ошибка. Ну как же это, кум? Ну ты сам посуди: ведь царь-то, он — хозяин России, кто может его сменить?

— Аль верить, аль не верить, я уж не знаю, что делать. Я всю дорогу из города думал и так

ничего не надумал, инды сердце всё изболело, и жрать не хочу. Давай, кум, вечером в правление ходим. Там у атамана полно казаков будет, там всё узнаем.

Через несколько дней газеты под тем же заголовком сообщили, что Михаил Александрович не принял престола императора, что государством управляет Дума под председательством Родзянко. О Распутине если и появлялись заметки, то всё как-то вскользь.

Газеты не рассказывали о том, что Распутин был духовником-воспитателем наследника Алексея, что он скоро заслужил особое внимание к себе императора, его жены и матери, что, пользуясь мягкостью царя, стал вмешиваться в государственные дела, заменяя собой фамильную и придворную знать из окружения царя; что «старца» пригласили во дворец князя Юсупова и угостили пирожными, начинёнными ядом, и что Григорий Ефимович не только не отравился ими, а расхвалил, что вынудило заговорщиков «помочь» отцу Григорию отправиться к праотцам; что эту неприятную миссию возложили на князя Дмитрия Павловича, который должен был по выходе Распутина застрелить его в коридоре, но brave князь струсил, и пришлось Юсупову спешно стрелять вслед убежавшему гостю, преследуя его даже в саду; что убитого Распутина засунули в мешок и выбросили в реку, а на вопрос околоточного надзирателя о шуме и выстрелах

Юсупов телефонировал, что беспокоиться нет оснований: им и его гостями убита забежавшая в сад собака... Но об этом не рассказывали газеты.

Фронтовые новости разнообразно комкались. Прошло несколько дней с отречения царя. Тема свержения уже надоела, всем стало ясно, что не только с царём, но и без него можно жить. В его отсутствие было всё то же, как и прежде.

2

Мишка без особого интереса отнёсся к перевороту. Надёжка пыталась завести знакомство с Наташей, но у неё ничего не вышло: не из таких Наташа, чтобы с кем попало дружить: одной веселей и спокойней.

Летом Надёжка ушла от Васьки в дом отца. На Мишку это не произвело впечатления. Он как будто и не слышал, когда ему говорили об этом.

В праздничный день Мишка и Наташа сидели за столом в горнице, лузгали семечки, беседовали, когда к ним вошёл Васька.

— У вас вроде как перевернулось всё вверх тормашками в избе, с тех пор как я был последний раз зимой, — сказал, виновато улыбаясь, Васька, не глядя на друга и его жену. — Изба вроде меньше стала, да светлая, аж глаза режет.

Мишка равнодушно, молча смотрел на Ваську. Он до сих пор не знал о его интригах.

Наташа пошла навстречу Ваське, стоявшему у порога.

— Проходи, проходи, Вася, — тянула его за рукав к столу.

Васька сел к столу. По-прежнему равнодушный Мишка спросил:

— Как дела?

Наташа перебила:

— Ну, что у вас там случилось? Почему ушла Надя?

Васька безнадежно махнул рукой.

— Да с матерью не поладили. Она ведь какая холера, эта Надёжка-то. У-у-у, ладно тебя Бог избавил, друг.

Мишка, поднимаясь, с фальшивинкой пошутил:

— Не беспокойся, дружок, у меня она жила бы — ни на кого не обижалась, а наоборот, бегала бы и расхваливала всех семейных и родных до десятого колена. Приведи её сюда, они у меня вдвоём с Наташей будут жить и скандалить не будут, — как киргизки.

Наташа ревниво замахала рукой и искусственно рассмеялась:

— Ну уж, сказал, она и здесь бы так сделала. Хороша штука, не хвали, пожалуйста, знаем её. Ну а всё-таки ты, Вася, помирись, она неплохая, сойдитесь да живите. После этого, знаешь, как будете жить? Душа в душу.

— Да я-то не супорствую, да мать её никак не хочет. Нет уж, видно, придётся развод брать, теперь вон слобода вышла по этим делам.

Наташа в волнении подхватила:

— Нет, нет, нет, Вася, бери опять Надю, она хорошая. Разводную больно трудно хлопотать, и всё равно лучше Нади не найдёшь, — она боялась свободной, разнузданной Надёжки — попадёт где-нибудь Мишке под крыло.

— Да ладно уж тебе, Наташа, уговаривать, а то он опять к нам не будет ходить, — смеясь, сказал Мишка.

Весёлый шум нарушил посылный огневщик из правления, от атамана. Пришедший вынул из кармана список, нашёл в нём фамилию Веренцова, ткнул пальцем в строку, поднёс к Мишкиным глазам:

— Вот, смотри, атаман зовёт, ментом^б скачи, все твои ровесники там давно, — сказал он. — А ты, соловей болотный, вдовец соломенный, тоже здесь? — обратился он к Ваське. — Давай тоже расчеркнись — и подол в зубы, скачи.

Они расписались, посылный торопил.

Около правления толпился народ — вызвали сразу два года.

Жёны объявленных по списку пришли с мужьями. Не было только Васькиной жены.

Узнав, что сына вызвали для призыва, Елена Степановна в слезах прибежала к правлению. Собранным объявили, что они должны быть готовыми, могут взять внезапно, даже среди ночи. В городе не ночевать, на мельницу несколько дней не ездить... Молодых казаков распустили,

и началась обычная в таких случаях пирушка.

Мишка домой не пошёл. Они с Васькой проводили успокоившуюся Елену Степановну до полпути и отправились к задушевному другу Паньке. Панька провёл друзей в дом, где Верка отругала Мишку за то, что ни он, ни Наташа к ним не заходят. Она отвела его в спальню, усадила на стул:

— Вот только сейчас ушла Надёжка, чуть-чуть вы её не застали. Говорит, больно хочет тебя видеть, о чём-то поговорить. Я ей говорю: «Рада была, дура, что ума нема, а теперь бегаешь, голяшками стучишь. Ладно, скажу ему, а там как хотите». Ты, Миша, уж увидь её да натри ей бока, ради бога, может, она успокоится, да и мне-то надоедать не будет.

— Я с ней разговаривать не хочу и не буду. Так ей и скажи, Вера.

— Вы што тут, заразы, прячетесь? — сказал вошедший в спальню Панька. — Вот я сейчас уйду в одно место, тогда как хотите. Ну-ну, не обижайтесь, — шепнул он, — я скоро вернусь.

С его возвращением всё закружилось колесом. Васькина вторая вышивка в этот день дала себя знать, и свалился он в Панькиной спальне на полу.

Под вечер Мишка и Панька вышли за ворота. Станица гудела. Пирующих было много, в нескольких местах играли

гармошки, то слышались ча-стухи с присвистом, то протяжные песни. Глухо или отчётливо плыли они в прекрасном, свежем вечере. Дробью бил соловей, качался где-то над водами Урала. Смеркалось.

Мишка и Панька сидели у ворот, Верка несколько раз выходила, звала в комнату, но друзья не шли. Вдруг из-за кучи брёвен, как призрак, выросла Надёжка, посмотрела на обоих в упор и попятилась. Она так растерялась, что не могла опомниться и переминалась с ноги на ногу.

— Ну што заметалась, подходи ближе! — сказал Панька и толкнул Мишку в локоть. Тот безразлично смотрел на Надёжку.

— А Вера дома? — каким-то виноватым голосом спросила Надёжка.

— Дома, а где ей быть? — ответил Панька. — Иди в избу, она там в спальне спит, на полу. Всё ей что-то жарко на кровати кажется. Если там темно, то ложись с ней прямо под одеяло, а мы сейчас с Мишкой придём.

Мишка тихо смеялся и шепнул Паньке:

— Иди, скажи Вере, чтобы спряталась, а Ваську накрой одеялом, пусть она под одеяло лезет.

Панька быстро встал.

— Подожди, Надя, посмотрю, не проснулась ли Вера, а если дрыхнет, то прямо пойдёшь её громить.

— Что ты всё хохочешь? — тихо спросила Надёжка, как только скрылся Панька.

Мишке ещё больше стало смешно:

— Было время, я чуть не плакал, а ты смеялась, теперь я смеюсь, а ты, пожалуй, плачешь.

Надёжка хотела что-то сказать, но из ворот вышел Панька.

— Будил, будил, будил, так и не добудился. Ну вот дрыхнет, да и шабаш. Иди, Надя, лезь прямо к ней бегом под одеяло.

Надёжка проскочила в ворота. Панька тихо сказал ей вслед:

— Да ты тише иди, чтобы мама не увидела, а мы с Михаилом придём.

Друзья смеялись, глядя в ворота, как Надёжка, крадучись, вошла на надворный крылец и скрылась за дверью.

— Ну, мне, ей-богу, надо удирать домой, — отсмеявшись, сказал Мишка. — Ты начудишь, на всю станицу потехи хватит.

Он ушёл за угол.

— Вера, Вера, ну Вера же, — будила Ваську Надёжка.

Верка за печкой-голландкой держалась за живот и грудь, не могла дышать от смеха.

Васька вначале мычал, Надёжка продолжала будить, потом он зевнул и сказал: «Это я, тётя, а не Вера», — думая, что это Панькина мать.

Надёжка отскочила от Васьки, выбежала из комнаты.

У ворот друзей уже не было. Панька хохотал в коридоре.

Надёжка пробежала, не заметив его. За воротами она тяжело вздохнула и поплелась домой. Всё это она приписала Панькиным проделкам.

3

Мишка рвался в Оренбург. На предварительном экзамене его экзаменатор, друг Дмитрия, Волженцев заверил, что в успехе можно не сомневаться. Он показал Мишке письмо Дмитрия, в котором тот извещал о своём скором приезде в Оренбург из Иркутска по окончании офицерской школы.

Обрадованный похвалами и новостями, Мишка чуть не в карьер погнал коня к сестре. Он уже представлял себя сдавшим экзамен, уже юнкером училища, уже окончившим его, уже с погоном хорунжего.

— Митя прислал письмо, — объявила сестра, как только Мишка появился у неё, — он скоро приедет, и поедет к вам. А вот самое главное, Мишенька: письмо от Гали, — подала она брату конверт.

— Да ты, милый мой, совсем оробел, а я не соображу, что ты стоишь на ногах. Садись за стол и читай, а я сбегаю к подруге, возьму кое-что... Для веселья, — сестра вышла.

Ах, если бы все желания наши сбывались, как их задумывали, не было бы ни нужды, ни горя, но не было бы и воли для преодоления препятствий...

А без борьбы не было бы и интереса к жизни, которая вся для нас почему-то в будущем, а не в настоящем.

Мишка надеялся, что приезд брата поможет решительному перелому в отношениях с Галей, хотя и побаивался обвинений Дмитрия в безволии, в странной его женитьбе. Но окончание учения, Мишка верил в это, должно выручить его из беды.

Он приехал домой в прекрасном настроении. Степан Андреевич тихонько спросил около коня:

— Ну как, сынок, впусую учился столько?

— Нет, тятя, не напрасно просиживал ночи, могу ручаться, что на экзамене провала не будет. Я и сам это чувствовал, и экзаменатор сегодня подтвердил.

«От-то, сукин сын, — подумал отец, — у него всё колесом крутится: и баб не обижает, и хозяйство на него не в обиде. Умница и работающий, што уж говорить — весь в меня удался, только вот баб-то, баб уж больно... По этим делам не в меня... язвы ево...»

Мишка с работником косили траву на залежной земле⁷, не приезжали домой уже несколько дней, ночевали в степи. Однажды проспали чуть не до обеда. Кони уже напаслись и пришли в стан, в жажде толпились около бочки. Подъехавший вплотную к ним Панька закричал:

— Эй, вы! Работнички поповские! Кони-то у вас собрались, пить хотят, а вы дрыхнете, собаки.

Мишка и Михайло вскочили оба, побежали поить. Панька стал отпрягать коня, в телеге у него лежали два седла. Мишка подошёл к телеге.

— Не смотри, не смотри, одно — моё, а одно — твоё. Вот отсюда прямо в карьер на войну поскачем, — сказал Панька, отвечая на вопросительный Мишкин взгляд. — Дядя Степан послал за тобой, Дмитрий Степаныч приехал. Я думал поехать верхом, но решил запрячь телегу, взять сёдла, а там оседлаем коней, поджигитуем дорогой, а телегу мою привезёт Михайло. Ну так и сделал. Да ты всё позёвываешь, инда весь рот разодрал! — Мишка рассмеялся.

— Михайло, давай Гнедого, — сказал Мишка. — Фу, мы только успели задремать, и тебя леший принёс. Может быть, позавтракаем?

— Ну ещё время вести, што ты? А на джигитовке брюхо лопнет, и завтрак пропадёт. Как нажрёшься, а то уж лопнет обязательно, — смеялся Панька.

Оседлали коней.

— Ну вот, — сказал Панька, — ладно тётка Степановна, а то бы ещё с месяц собирались. А всё ты: то покос, то навоз, так и тянул.

— А ты, Михайло, тяпни немного под рыдванкой, после

завтрака-то, а потом закончи копить и приезжай со всем станом домой, — сказал Мишка и поскакал догонять друга.

Они выехали на гладкую дорогу, по которой до станицы было вёрст восемь. Панька погнал своего коня полным карьером, чтобы развить скорость для джигитовки. Мишкин конь становился на дыбы, рвался вперёд, Мишка его держал, чтобы потом конь бежал быстрее, догоняя своего друга. Панька был уже в версте, уже стал делать темпы⁸ через круп коня, когда Мишка пустил Гнедого во всю мочь. Как только Гнедой развил предельную скорость, Мишка приступил к темпам.

Не знал он, что когда Панька вёз на телеге Мишкино седло, то пахвички-нахвостник, не позволяющий седлу съезжать на шею лошади — возле самого седла чуть не насквозь перетёрлись о тележное колесо. Седлая гнедого, Михайло тоже не досмотрел.

Мишка схватился за пахвы и привычно выбросился из седла. Конь, как гончая собака, бежал во всю мочь. Пахвы оторвались, Мишка с пахвами отделился от коня и полетел по инерции ножницами поперёк дороги. Сколько раз он перевернулся и как далеко катился, Мишка не помнил. Он потерял сознание и лежал, распластавшись по земле с раскинутыми руками, бельё, как воск. Конь сделал огромный

круг, перешёл на галоп, потом на рысь и бежал к своему хозяину.

В последний момент Мишка уже догонял Паньку, а теперь тот был в версте от него. Гнедой подошёл к Мишке, опустил голову и стал нюхать ему лицо, а потом, смотря в сторону ускокавшего вперёд Паньки, заржал, будто призывая. Он смотрел во все стороны, ища помощи.

Остановившийся Панька понял, что с другом какая-то беда. Он как сумасшедший поскакал назад. Мишка не шевелился. Панька подошёл к нему, сел у ног. Лет десять Панька не плакал, а сейчас его глаза застилала слёзы. Мишка тяжело дышал, в левой руке были пахвы. Панька взял их, осмотрел и всё понял.

— Ах, такую-сякую её, телегу, житья ей только до вечера, как привезёт её Михайло, так, суку, изрублю и заставлю бабу баню истопить. Я ей наделаю делов...

Мишка открыл глаза, будто проснулся, но вначале не понял, в чём дело. Он везде чувствовал боль.

— Ну скажи, как и што? Где ушиб? — спросил друга Панька. — Уж совсем испугался, думал натло⁹, а это ничего, пройдёт. Ну, вставай.

Мишка тихо шептал, что он не знает, где ушиб. Везде. Панька положил Гнедого, Мишка

тихонько сел на коня. Шагом поплелись к станице. Панька сказал Мишке о причине беды и ещё раз выругался, что телеге житья только до вечера.

С огромным трудом Мишка сошёл с коня. Елена Степановна прибежала с горькой полынью, упрашивала выпить: «Лихорадку как клином вышибет». Предлагали «умыть сглазу». Но Мишка молчал, у него болело всё.

Степан Андреевич уже сидел в доме Дмитрия, ждали туда и Мишку, но посланная от Дмитрия девочка сказала, что дядя Миша приехал с поля хворый, лёг и немножко стонет, не идёт.

Степан Андреевич, Дмитрий и гости пошли в дом отца. Дмитрий шёл впереди всех. Мишка отчётливо слышал, как Дмитрий вбежал на крыльцо. Вот его весёлый разговор с кем-то, он вбегает в комнату, открывает дверь...

— Ну как браток, некому было тебя поколотить? Дурень ты стоеросовый, — говорил запальчиво Дмитрий. Он сел рядом с кроватью, дверки закрыл на вертушку. Мишка, перемогая боль, ждал от брата главного.

— В чём дело? Что случилось? — притворно спросил он, — ты хоть поздоровайся, а тогда уж пыли.

Дмитрий крепко пожал и задержал руку брата.

— Как «что случилось»? Женили-то кого? Быка разве, а не тебя? — нервничал брат.

— Ну, а я-то при чём? Это им захотелось женить, — показал Мишка на дверь рукой. — Я ведь сам-то не женился и не считаю себя женатым.

— Ты чушь не говори: «не женился». А вон на дворе кто это бродит, не твоя ли половина? Ты можешь считать себя не только холостым, но и королём Испании, но ты — женат. По закону.

— То, что я узнал о Галине Борисовне... Эх, излупить бы тебя, остолопа! Писал, распинался, я мозговал ответ, а ты ответа не дождался, бух в болото. Ну как же, надо было спешить, а то вдруг кто перехватит и останешься навек холостяком, — зло засмеялся Дмитрий. — Эх ты, ерунда, дурацкая ерунда. Ты знаешь ли, дурацкая голова, что счастье твоё пропало? Ты знаешь, что ты сам его погубил? Сердце плачет, жаль тебя и зол на тебя. Говори, чем болеешь. Я вижу, у тебя лихорадки ни в одном глазу нет. Тебе, видно, намяло бока, вот на это больше похоже.

Мишка не думал скрывать от брата причину болезни, он рассказал Дмитрию всё, на что тот равнодушно заметил:

— Ну ничего, пройдёт, поосторожней будешь. Скажи спасибо, что лицо не изуродовал, а

только бока, да ещё под рубашкой, там не видно, присохнет, как на собаке. Вставай.

Мишка, светлея лицом, за гипнотизированно смотрел на офицерский погон брата: галун с просветом был нашит на голубое поле. Он попросил Дмитрия

помочь встать с постели, они вышли из спальни под руку, направляясь к столу.

Со всех сторон кричали гости: «Ура офицеру Веренцову! Ура будущему офицеру Веренцову-младшему!»

Рано утром Дмитрий уехал.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Чара — искажённое «вчера».
2. Торка — искажённое «только».
3. Гинденбург Пауль фон (1847—1934), президент Германии с 1925, ген.-фельдмаршал (1914). В 1-й мировой войне командовал с ноября 1914 войсками Восточного фронта, с августа 1916 нач. Генштаба, фактически главнокомандующий. 30 января передал власть в руки фашистов, поручив Гитлеру формирование правительства.

4. Родство — родственники (местные).
5. Мясоед — скромные дни, Рождественский мясоед между Рождеством Христовым и Великим постом.
6. Менгом — искажённое «моментом».
7. Залежная земля — поле, покинутое 8—10 лет назад по истощении почвы.
8. Темпы — конные казачьи приёмы — перебрасывание через лошадь на полном скаку с одной стороны на другую.
9. Нагло — совсем (каз.).